

СОЦИАЛЬНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НА РЫНКЕ ТРУДА

Константинов Сергей Александрович,
Луговцева Бэлла Черменовна,
Евдокимова Людмила Павловна и др.

ВВЕДЕНИЕ

В социологии занятости важной и широко обсуждаемой темой является изучение конкурентоспособности трудоспособных граждан. Выявлено, что конкурентоспособность – это явление, предполагающее устойчивость социальной и профессиональной мобильности агентов рынка труда, связанное с формированием таких профессиональных качеств личности, которые не только помогают выполнению профессионально-производственных функций, но и способствуют активному их осуществлению. Можно выделить два пути формирования конкурентоспособности через обучение. Первый путь заключается в обучении человека нескольким узкопрофильным специальностям. Второй путь – организация профессиональной подготовки на основе достаточно высокого уровня общего образования, в результате которого человек способен к самообучению и профессиональной мобильности.

Сегодня важнейшей проблемой, волнующей любого исследователя российского общества и близко связанной с темой конкурентоспособности, является проблема изучения изменений социальной структуры. При этом любому профессионалу-обществовед� и обычному гражданину понятно, что складывающаяся социальная структура в современном российском обществе иная, чем она была еще до конца 80-х годов. Для обычных граждан это заметно по важнейшим событиям, происшедшим за последнее время (трансформация СССР в суверенные государства, снижение определяющей роли коммунистической партии в государственном руководстве, возникновение и расцвет новых форм хозяйствования в экономике, миграционные потоки, межнациональные конфликты, проблемы явной или скрытой безработицы и снижение развитости экономической жизни). Для профессионалов-социологов эти же реальные социальные процессы являются основой постановки определенной научной задачи. Одной из таких важнейших задач в рамках социологии занятости является изучение циркуляционных процессов в социальной структуре современного российского общества.

Вслед за П.Сорокиным [2. С. 302], под социальной циркуляцией мы понимаем изменение социальной структуры. Известно, что с социологической точки зрения люди в обществе могут быть наделены набором определенных социальных характеристик, таких как пол, возраст, профессия, место проживания, образование, имущественное положение, происхождение и другие. При определенном наборе и типологии этих характеристик у индивидов, их можно поместить в определенное место социального пространства. Полученная таким образом некая социальная дифференциация является социальной структурой общества. Однако только в

статическом состоянии или при одномоментном изучении она остается неизменной с течением времени. В реальности происходят ее изменения. Одним из видов таких изменений является социальная циркуляция.

Мы считаем безработицу одним из каналов социальной циркуляции в обществе. Какие еще можно выделить каналы социальной циркуляции, кроме безработицы? Согласно точке зрения П.Сорокина, в них входят такие социальные институты и явления, как армия, образование, профессия, брак, местожительство и другие.

Необходимо отметить, что все эти каналы, кроме безработицы, существовали и до перехода экономики России с плановых на рыночные отношения. И только безработица явилась новым звеном в процессах социальной циркуляции. Если учесть, что резкое увеличение несбалансированности и циркуляционности в социальной структуре российского общества сопровождалось появлением нового канала, то можно предположить, что явление безработицы – одно из основных составляющих дифференцирующих процессов в социальной структуре России.

Как пример того, что безработица является действующим механизмом в циркуляционных процессах социальной структуры российского общества, приведем следующее рассуждение. На рынке труда в современном кризисном его состоянии наблюдается такое явление, когда среди трудоспособных граждан, осознанно выбравших какую-то профессию и овладевших ею, присутствуют люди, вынужденные переучиваться и работать по другой профессии. С нашей точки зрения, это связано с тем, что они получили первую профессию в прежней системе хозяйствования, имевшей определенную структуру и спрос на рабочую силу, а также с тем, что в современной экономике, находящейся в состоянии кризиса и спада, их профессии и рабочие навыки не находят применения. В такой ситуации неминуемо возникают случаи, когда кто-то выпадает из состояния работающего и становится безработным.

При этом люди, профессиональное состояние которых мы анализируем, не всегда овладевают профессией, позволяющей им перемещаться в социальной структуре общества, по крайней мере, с горизонтальной мобильностью. Среди них есть и такие, кто вынужден ради получения работы овладевать и работать по профессиям, означаящим, что они осуществили нисходящую социальную мобильность.

Адекватность постановки исследуемой темы подтверждает еще и другая мысль. Общеизвестно, что общество профессионально стратифицировано и дифференцировано. Следовательно, в этом случае профессия оказывает важное влияние на положение индивидов в социальной структуре. Из этого можно заключить пересеканность канала профессии с каналом безработицы. Поэтому последний обязательно будет связан с социально-структурными процессами общества и влиять на них.

Таким образом, основной доминантой при разработке темы безработицы как канала социальной циркуляции является изучение процессов взаимодействия динамически меняющейся социальной структуры современного российского общества и процессов высвобождения рабочей силы (то есть безработицы и незанятости), а также выявление положения безработных в социальной структуре российского общества в динамическом аспекте его рассмотрения. Другими словами,

влияние фактологии такого социального явления, как безработица, на наблюдающийся в настоящем факт резкого изменения в социальной структуре российского общества.

Одним из аспектов проблемы является определение механизмов социально-профессиональной трансляции населения в обществе. На первом этапе ее изучения можно выделить и рассмотреть важнейшие направления по изучению данной темы: а) рассмотрение процессов социальной циркуляции в социальной структуре нашего общества (с включением в рассмотрение процессов социальной дифференциации и социальной мобильности населения); б) характеристика особенностей процессов безработицы – высвобождения рабочей силы – в российском обществе. Изучение названных аспектов (или подпроблем) даст возможность в значительной степени расширить представление о роли и влиянии такого явления, как безработица, в трансформации социальной структуры общества.

Глава I.

РЕФЕРАТИВНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПО СОЦИАЛЬНО-СТАТУСНЫМ АСПЕКТАМ БЕЗРАБОТИЦЫ

§ 1. Рассмотрение понятий социальной циркуляции и социальной мобильности

Даже в первобытном обществе наблюдаются зачатки его расслоения, тем более невозможно найти общества без расслоения в более поздние эпохи в развитых странах. Различаются его формы и пропорции, но расслоение существовало повсюду и во все времена. Люди различаются по вкусам, цвету волос, доходу, знаниям, образованию, возрасту, полу, физической силе, профессии, увлечениям, по тому владеют ли средствами производства и недвижимостью и т.д. и т.п. Но не все эти различия социально значимы. Более того, люди не будут ощущать социального неравенства до тех пор, пока их уже классифицированный мир не будет “объявлен” отклонением от идеала равенства; только тогда неравенство будет осознано. То есть “о социальном неравенстве можно говорить только тогда, когда важность различий людей по какому-то из... параметров закреплена институционально и сделана базисным принципом классификации” [1]. Например, в простых обществах социально значимыми являются такие качества людей, как принадлежность к определенному роду, пол, возраст, которые, соответственно, трансформируются в иерархию родственных, возрастных и половых групп. Налицо объективное неравенство, но социальное ли оно? Л.Г.Ионин, ссылаясь на Эдера, делает вывод о том, что “несмотря на наличие объективного неравенства... и социальных классов, возникших на основе вертикальной классификации, социальное неравенство не возникает, пока оно не осознано и не интерпретировано как таковое”. То же самое наблюдается и в традиционном обществе, лишь количество признаков, воздействующих на классовое образование (в том числе основанные на разделении труда), возрастает. “Но и здесь социальное неравенство не выглядит и не является проблемой, ибо объективное неравенство в этих обществах воспринимается как часть божественного порядка”. Существующее неравенство “интерпретируется как частное проявление идеи мирового порядка – божественной иерархии, воплотившейся в иерархии сословий и каст”. Такая теория характерна для европейского средневековья и особенно для индийской кастовой системы. В современном обществе возрастает количество классификационных критериев. При этом они переплетаются, взаимодействуют, образуют сложные структуры. И, как утверждает Л.Г.Ионин, “многообразные объективные неравенства не только осознаются как таковые, но и интерпретируются с точки зрения идеала равенства. Поэтому они воспринимаются как факты социального неравенства и становятся... причиной многих классовых и прочих конфликтов. Возникают – в противоположность теориям божественной иерархии или природного порядка – многочисленные теории социальной структуры...”

Это расслоение, разделение людей на классы, группы (страты) и есть стратификация. А происходит это явление в так называемом “социальном пространстве”, которое определяется отношениями между людьми. Поэтому имеет место понятие социальной стратификации. П.Сорокин в своей работе “Социальная

стратификация и мобильность” дает следующее определение социальной стратификации: “это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге. Она находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность – в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличии или отсутствии социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного общества” [2].

Существует много определений социальной структуры. Л.Г.Ионин в статье “Культура и социальная структура” приводит шесть определений зарубежных и отечественных авторов, анализирует их и делает вывод о том, что в них нет принципиальных различий и есть общий существенный недостаток. Вот, например, определения из отечественной литературы (первое – 70-х годов, второе и третье – современные):

1. “Структура социальная – одна из основных категорий социологического анализа общества, обозначающая сеть упорядоченных и взаимообусловленных связей между элементами социальной системы; в социальной структуре фиксируется свойственный данному обществу способ разделения труда, взаимоотношения классов и других социальных групп, характер функционирования социальных институтов, формы социальной организации и социальных действий”.
2. “Социальная структура в широком смысле слова означает совокупность отношений между различными социальными группами (классами, общностями, организациями) и социальными институтами, обеспечивающими стабильность в обществе, в узком смысле – взаимосвязанный набор социальных позиций (статусов), каждая из которых обладает определенными правами и обязанностями, необходимыми для выполнения социальных ролей. Социальная структура обеспечивает устойчивость социальной системы, ее нормальное воспроизводство”.
3. “Структура социальная – внутреннее устройство общества или социальной группы, состоящее из определенным образом расположенных, упорядоченных частей, взаимодействующих между собой в определенных рамках”.

С одной стороны, социальная структура есть система отношений, организующих общество в единое целое. С другой – это совокупность статусов, групп, слоев или классов, организованная в иерархическом порядке, то есть не равных по отношению к определенным ценностным категориям (ресурсам, собственности, распределению, привилегиям и т.д.). Л.Г.Ионин считает, что в определениях социальной структуры непременно должен учитываться момент социального неравенства, чего нет в приведенных им (и частично здесь) определениях. Это и является их недостатком.

Конкретные формы социальной стратификации разнообразны и многочисленны; существует множество вариантов группировки людей по социальным признакам, не совпадающим друг с другом: по принадлежности к

государству, религии, национальности, профессии, экономическому статусу, политическим партиям, полу, возрасту и т.д.

В течение своей жизни люди могут мигрировать из класса в класс, создавать новые группы. Это явление называется социальной мобильностью, или социальной циркуляцией.

§ 2. Исторический обзор социальной стратификации российского общества

В зависимости от того, какой из социальных признаков берется за основу при попытках классифицировать общности людей, существует множество теорий и направлений социальной стратификации. Многие мыслители, такие как Платон, Агриппа, Саллюстий, Вольтер, Гизо, Годвин, Бернштейн, выделяли лишь единственную форму социальной стратификации – по экономическому признаку, то есть два социальных класса: “бедных” и “богатых”.

Другие известные обществоведы – Гельвеций, Сен-Симон, Бауер, Блондель – различают два класса по политическому признаку: “доминирующий” (аристократический, привилегированный, эксплуататорский) и “подчинительный” (эксплуатируемый, угнетаемый). Третья группа ученых – Тюрго, Бюхер, Шмолер, Тауссинг – берет за основу стратификации лишь профессиональное расслоение. Со временем некоторые ученые стали учитывать все три вышеназванные формы, хотя и не полностью, при описании социальной стратификации общества (К.Маркс, А.Смит, К.Каутский).

Питирим Сорокин, проанализировав существующее многообразие теорий, сводит его к трем основным формам, существующим в обществе одновременно: экономическая, политическая и профессиональная стратификации [2]. Он утверждает, что “все они тесно переплетены. Люди, принадлежащие к высшему слою в каком-то одном отношении, обычно принадлежат к тому же слою и по другим параметрам, и наоборот”. Но из этого общего правила существует немало исключений.

Э.Гидденс [3] сводит существующее многообразие стратификационных состояний к четырем основным: рабство, касты, сословия и классы. Автор дает подробное описание каждому из этих типов стратификации. “Рабство – это наиболее выраженная форма неравенства, при которой часть индивидов буквально принадлежит другим как их собственность... Рабство как формальный институт постепенно уничтожилось и сегодня почти полностью исчезло в мире”.

Кастовое разделение основывается, в основном, на этнических признаках людей (белые и черные на юге США, в Южной Африке) или на религиозно-региональных (Индия). Браки между представителями разных каст недопустимы, мобильность между кастами чаще всего просто невозможна. Кастовое разделение иногда закреплялось правовыми нормами в государстве.

Сословия наиболее характерны для феодального общества. В Европе высший статус принадлежал сословию “аристократия и дворянство”. Далее по убыванию престижа – духовенство, потом так называемое “третье сословие” (слуги, свободные

крестьяне, торговцы и художники). Межсословные браки и индивидуальная мобильность допускались.

Классы – объединения людей, основанные на экономических различиях между ними, связанные с неравенством во владении и контроле над материальными ресурсами. Классовые системы более подвижны, чем другие системы стратификации; принадлежность человека к классу не дается от рождения, движение вверх и вниз, то есть мобильность, в классовой структуре возможно и значительно проще, чем в иных типах. Главные классы западных обществ: 1) высший класс (люди, имеющие или контролирующие производственные ресурсы, крупные промышленники, верхушка общества); 2) средний класс (“белые воротнички”, профессионалы); 3) рабочий класс (“синие воротнички”, то есть люди, занятые ручным трудом).

Итак, социальная структура общества – “это организация общества, своего рода канва, заранее установленный порядок”.

Но развиваются наука и техника, меняются политические течения и взгляды людей, развиваются экономические и культурные отношения между людьми. На этом фоне обязательны и социальные изменения, в том числе и изменения в социальной стратификации (нарушается “заранее установленный порядок”). И на смену старым теориям структуры общества или параллельно с ними возникают новые, изучающие “обновленное общество”.

Рассмотрим несколько наиболее распространенных теорий социальных стратификаций общества [5].

Марксизм. Долгое время в науке об обществе заметное положение занимала стратификационная теория К.Маркса. В нашей стране ей отводилась совершенно особая идеологическая роль. В ее основе лежат отношения собственности на средства производства, то есть выделяются два основных класса: класс собственников (буржуазия) и класс неимущих, наемных рабочих (пролетариат). Все прочие критерии дифференциации общества значимы или для неосновных классов, или для выделения групп и страт внутри основных. Отношения между классами – отношения эксплуатации, а именно: присвоение чужого неоплаченного труда. Борьба основных классов, развитие производительных сил – источник развития и прогресса всего общества.

Неомарксизм. С течением времени и накоплением исторического опыта теория Маркса критиковалась и изменялась. Базой для видоизменения марксизма явилось осознание того, что экономические причины (экономический детерминизм) не являются единственной причиной общественного развития. На этой “почве” возникает неомарксизм. Теоретики этого течения – П.Хирст, Б.Хиндес, А.Пржеворски.

Функционализм. Одно из направлений стратификационных теорий. Оно развивалось параллельно марксизму, получило наибольшее распространение в 40–60-х годах нашего столетия в американской социологии (Т.Парсонс, К.Девис, У.Мур). Логика функционалистов заключается в том, что роль классов “играют” статусно-престижные профессиональные группы, а роль классовой борьбы – конкуренция за более престижные места в непрерывной статусной шкале, складывающейся из множества профессиональных групп (именно так выглядит

стратификационная схема общества в трактовке функционалистов). В результате этой конкуренции достигается “функциональность всего организма”.

Веберизм. Основатель этого течения – немецкий социолог и историк М.Вебер. Его основные работы в этом направлении были написаны еще в начале нашего столетия, но развитие эта теория получила лишь в 70-е годы (так называемый “веберовский ренессанс”).

Вебер, принимая “марксову точку зрения о том, что класс базируется на объективно данных экономических условиях”, утверждает, что разделения проистекают не только от отношения к средствам производства, но и от “экономических различий, прямо не связанных с собственностью”, таких как профессиональное мастерство или квалификация. Эти качества влияют на виды работ, выполняемых людьми, на получаемый ими доход и, в конечном итоге, уровень жизни.

Помимо классового, М.Вебер вводит два других основания социальной стратификации: статус и партийную принадлежность. Статус в интерпретации Вебера “характеризуется различиями между социальными группами по социальному престижу, которым они обладают друг относительно друга”. Партия, по утверждению Вебера, “является важным аспектом власти и может влиять на стратификацию независимо от классовой и статусной принадлежности”. В партии могут объединяться люди независимо от их классовой принадлежности.

Маркс сводил статусные и партийные различия к классовым. Вебер же утверждает, что именно они (статус и партийность) могут влиять на экономические условия жизни индивидов и групп, а следовательно, классов. Хотя определенное влияние классового разделения на статус и партийность Вебер допускает. Веберовские работы показывают, что другие виды стратификации, помимо классовой, сильно влияют на жизнь людей.

Приведенный краткий исторический обзор теорий стратификации показывает, что общим для всей истории человечества является существование неравенства между людьми в каждой формации, даже в первобытном обществе. Но никогда на всем протяжении истории не было одинаковой социальной структуры, везде основа социального деления была разной [4]. Так, Н.А.Аитов предлагает считать основной категорией теории социальной структуры общества “социальную группу”. Это может быть и класс, и сословие, и религиозная конфессия – в зависимости от места и времени.

§ 3. Современное представление о социальной стратификации

Многие современные социологи считают, что схема, предлагаемая М.Вебером, имеет более гибкую и сложную основу для анализа стратификации, чем схема Маркса. И именно на теории Вебера основаны современные теории стратификации, такие как теория американского социолога Э.О.Райта и британского автора Ф.Парки.

В работе Л.Г.Ионина [6] проводится анализ и сравнение западного и российского обществ в плане социальной структуры. В странах Запада “беспримечательное повышение материального жизненного уровня, всеобщая экспансия

образования и утверждение государства всеобщего благоденствия” привели к тому, что “неравенство перестало быть ценностно негативным понятием”, расширились представления о социальной структуре, так как увеличились возможности человека для самореализации – “плюрализация и индивидуализация жизненных форм”.

Происходящие ныне изменения в России привели вовсе не к таким результатам. Вот, что дает сравнительный анализ:

В странах Запада	В России
1. Повышение жизненного стандарта на фоне устойчивого экономического роста	1. Глубокое падение жизненного уровня большинства населения
2. “Биографизация” своих жизненных планов, то есть человек может строить жизненные планы, программы на бо-лее длительный срок, что возможно лишь на фоне освобождения от экономических забот	2. Забота исключительно о выживании, что отнюдь не предполагает долгосрочных жизненных планов
3. “Дополнительные жизненные” ста-дии, то есть новые возрастные статусы помимо традиционных, а именно: после-юношеская (возможность продления времени обучения и образования), послеродительская, дающая “старты” новой жизни после взросления детей. Это особенно актуально для женщин	3. Падение жизненного уровня (не-выплата пенсий и заработной пла-ты и т.д.), сокращение продолжительности жизни затрудняют существование “дополнительных жизненных стадий”
4. Альтернативные семейные структуры: над “ядерной” семьей начинают преобладать одиночки или иные формы внебрачной жизни	4. Падение жизненного уровня, постоянный жилищный кризис сильно затрудняют существование не только альтернативных семейных структур, но и традиционной

Вышесказанное, казалось бы, исключает существование в российском обществе “плюрализации и индивидуализации” жизненных форм и, наоборот, способствует формированию “архаичных” с точки зрения современного социокультурного развития форм социального расслоения. Однако Л.Г.Ионин показывает, что наблюдение российской действительности демонстрирует и совершенно другие факты:

1. Резкое увеличение количества многообразных, абсолютно несводимых к сословным, классовым или слоевым определениям, жизненных форм и стилей, имеющих исключительно культурное происхождение.

2. “Крайняя условность и подвижность профессиональной структуры”. В поисках заработка, приработка человек осваивает совершенно новые для себя жизненные формы, стили и роли, к которым он бы никогда не обратился в благополучной и стабильной ситуации. Тем самым “разрушаются стабильные классово-культурные и специфические слоевые идентификации”.

3. Ожесточенность борьбы за существование повышает роль аскриптивных характеристик и соответствующих форм поведения, то есть повышается удельный вес натуралистических определений личности (пол, возраст, иные биологические и природные качества).

4. “Широта предложений в области образования (необычайная по сравнению с предшествующим советским периодом)”. Хотя само по себе получение образования не говорит о подъеме по социальной лестнице, но является свидетельством индивидуального достижения и залогом дальнейших достижений, что в конечном итоге ведет (или может привести) к дифференциации как вертикальной (распределение по слоям, характеризующимся наряду с доходами и уровнем образования), так и, в большей степени, горизонтальной (распределение обучающихся или обучившихся по группам, характеризующимся различными формами и стилями жизни).

5. “Утрата мотивирующей силы социальной мобильности”. Таковой всегда ранее являлась престижность профессии. В настоящий момент в российском обществе отсутствует стабильная и единообразная “шкала престижа профессий”: для одних людей – одни профессии, для других – другие.

6. “Специфическая организация политики” (такая же, как и на Западе). Нет “принципиальной координации” между партиями, блоками партий, движениями с их доктринами и каким-либо социальным слоем. Нет партии рабочих и крестьян, богатых и бедных и т.п.

Таким образом, на основании анализа и сравнения западного и российского обществ Л.Г.Ионин делает вывод: “Россия естественным образом перешла в “постклассовое” состояние, характерное для современных западных стран. Переход еще не завершен, есть лишь элементы и тенденции, характерные для постклассового общества”.

Но подобную точку зрения подвергает сомнению Т.И.Заславская в своей работе “Структура современного российского общества” [7]. Она высказывает гипотезу о том, что сходство процессов размывания социально-классовой структуры, происходящих на Западе и в нашем обществе, возникновения обществ “среднего класса” и “социального согласия” носит внешний характер, так как “формирование таких обществ характерно для постиндустриальной цивилизации, Россия же находится, в лучшем случае, на индустриальной стадии развития, не говоря о переживаемом ею кризисе”, и “тенденция развития России в последние годы направлены не в сторону повышения однородности, а в сторону углубления социальной поляризации общества”.

Еще более подробный разбор состояния современного российского общества приведен в работе В.Е.Гимпельсона и В.С.Магуна, написанной по результатам

социологического исследования уволенных [8]. Открытая безработица стала реальностью в нашем обществе. Будучи неотъемлемым спутником рынка труда, она выполняет важнейшую функцию – способствует постоянному обновлению социальной структуры, “отбраковывая” отмирающие профессиональные группы, стимулируя мобильность людей, их адаптацию к меняющимся запросам экономики. Итак, ситуация высвобождения дает старт процессу вынужденной социальной мобильности, проявляющейся в нашем обществе трояко: человек может сохранить, потерять или повысить свой трудовой и социальный статусы. Авторы делают вывод о том, что “доля трудоустроившихся из групп с более высоким статусом несколько превышает долю трудоустроившихся из групп с низким статусом”, при этом “доля групп с низким статусом (рабочих и служащих, труд которых не требует специального образования и не связан с руководством другими людьми) возросла за счет более высокостатусных”. Таким образом, наблюдается “уменьшение доли вернувшихся в прежнюю социальную группу по мере роста статуса группы”.

Переход к рыночной экономике, безработица изменяют прежнюю внутрипроизводственную социальную организацию. Поэтому различие экономических статусов ощущается сегодня не только на макро-, но и на микроуровне – внутри отдельных предприятий. Причем оно ощущается не только между руководителями и рабочими, но и рядовыми работниками внутри одного подразделения. Г.А.Монусова и Н.А.Гуськова в своей работе “Внутрифирменная мобильность и “закрытые” группы” [9] приводят результаты исследования социальной структуры предприятия, цеха, бригады, анализируют и сравнивают прежнюю и настоящую социальные организации.

“В советские времена господствовала официальная концепция, согласно которой работник социалистического предприятия (в отличие от капиталистического) содержание труда, его полезность для общества ценит выше, чем заработок” [10]. В нынешней России на смену коллективизму приходит “экономический индивидуализм”, и “формируется новая система критериев ценности труда – его различных видов, стимулов, мест приложения”. Как же меняются ценности труда? Прежде всего изменилась иерархия критериев:

- “Свое законное место заняло материальное вознаграждение труда”;
- “Сегодня в ней важное место занимают социальные гарантии”, то есть люди хотели бы вернуть потерянную социальную защищенность, гарантии на будущее;
- “Распределение людей по рабочим местам на предприятиях разных типов – от государственных до частных, включая и иностранные”. Половина опрошенных хотела бы работать на негосударственном предприятии;
- “Сегодня люди осваивают такие виды экономической деятельности, которые находятся не в сфере производства, а в сфере распределительных, товарно-денежных и финансовых отношений”. “Тем более, что именно на этих сферах экономики концентрируют свое внимание западные фирмы, предоставляющие достаточно высокие заработки и требующие высокой квалификации и напряженности труда. Расширяя систему рабочих мест за счет банковской и другой финансовой деятельности, эти фирмы тем самым формируют экономическое сознание”.

Потеря социального и трудового статуса в связи с нестабильностью в экономике и политике в современном российском обществе привела к образованию

маргинальных социальных групп как временных, так и постоянных, утверждают З.Т.Голенкова, Е.Д.Игитханян, И.В.Казари-нова [11]. Во временных маргинальных группах оказались люди, “вытолкнутые из круга ранее существовавших социальных стереотипов, привычных норм, представлений” и встраивающиеся в новые. В таком состоянии находятся огромные массы населения. Стойкие маргинальные группы составляют бичи, бомжи, беспризорные, наркоманы, криминальные элементы, беженцы, вынужденные переселенцы. Неудача попыток войти в новую, более высокую социальную группу или хотя бы сохранить прежнюю, скатывание по социальной лестнице ведет к негативным последствиям, среди которых социальная деградация и люмпенизация. В связи с образованием подобных групп социологи ввели понятие негативного социального статуса (Стивенсон).

Описывая постсоветское общество, его структуру В.Радаев [12] утверждает, что за годы перестройки эволюционировала социальная структура общества. Например: наблюдалось значительное обновление элиты за счет выходцев из предноменклатурных должностей и перехода старых кадров в новые сферы деятельности. Элитная группа, “перегруппировавшись и переплавив в своих рядах наиболее активных выходцев из средних слоев”, представляет собой хозяйственную, политическую, экономическую, предпринимательскую элиту. С развитием сферы малого бизнеса в России образовался современный средний класс, “формируемый группами мелких и средних предпринимателей, менеджеров, дипломированных специалистов и высококвалифицированных рабочих”. “Российское хозяйство и общество переживают ныне период ускоренной мобильности”, чему в большой степени способствует безработица. Наблюдается оживление внешнего рынка труда, связанное с повышением трудовой мобильности, в первую очередь, двух крупных категорий занятых: неквалифицированных работников, с одной стороны, и, наоборот, высококвалифицированных – с навыками, не привязанными к конкретному производству. Внутренние же рынки, характерные для советского периода разрушаются: трудовая конкуренция, угроза безработицы не способствуют, мягко говоря, передаче профессионального опыта молодежи и необученным. В такой ситуации изменилось привычное деление на привилегированные и непривилегированные, престижные и непрестижные группы занятых. Так, важной характеристикой современного общества является относительное увеличение групп, занятых в растущей сфере услуг, финансово-кредитной, торгово-посреднической, информационной и консультативной – при соответствующем сокращении занятости в производственной сфере.

В настоящее время в негосударственных секторах экономики получили распространение новые отношения трудового найма в виде контрактов, снятие запретов и гнет материальных обстоятельств обусловили рост вторичной занятости, самостоятельной занятости.

В.Радаев указывает, что в этой обстановке всеобщей неопределенности (общая сложность социальной картины, раздробление части привычных сообществ и образование новых, часто неясных, быстрая смена господствующих идеологий, возросшие культурно-нормативные разрывы между поколениями, воспитанными при различных хозяйственно-политических режимах и т.п.) “мы переживаем ситуацию повышенной нормативно-статусной неопределенности”.

“В целом социально-экономическое положение человека стало в большей степени зависеть не только от его профессии и квалификации, но и от сферы, в которой он работает, – в коммерческой или производительной, на негосударственном или государственном предприятии, в иностранной или российской фирме”. На этом фоне, естественно, произошли изменения и в системе трудовых ценностей: усилилось значение высокого заработка при уменьшении значения таких понятий, как добросовестный труд, трудолюбие. Изменяется сравнительная привлекательность профессий в пользу обеспечивающих более солидное и быстрое материальное вознаграждение. Престижными стали “деловые способности”: умение “вертеться”, находить нужные связи, зарабатывать любыми средствами.

Вопросам вторичной занятости населения как новой модели занятости, его плюсам и минусам посвящена работа И.Черниной “О новой модели занятости” [13].

Как следствие происшедших изменений в структуре общества появились научные публикации, посвященные конкретно новым или обновленным старым элементам стратификации нашего общества. В последнее время заметно повышение интереса к элитным структурам. И это не случайно. Так, Б.В.Головачев и Л.Б.Косова называют их “локомотивами общества” и утверждают, что “интерес к ним обостряется именно в периоды кризиса социального развития” и ответы на вопросы о степени закрытости элит, принципах их формирования, интенсивности и направленности мобильности “помогают зафиксировать фазу происходящих в обществе процессов” [14]. Это утверждение основано на исследовании российской элиты, проведенном ВЦИОМ в 1993 году. В результате обработки результатов исследования был сделан вывод о том, что вертикальная мобильность в этой среде и в эту среду возможна в условиях внешних напряжений, кризисов, сломов, чем как раз и характерна сегодняшняя ситуация в нашей стране. В последнее время каналом стремительной погони за карьерой становится бизнес и политика.

А.Крестева в работе “Власть и элита в обществе без гражданского общества” [15] подробно рассматривает так называемую элиту (и коммунистическую и посткоммунистическую) как единицу теории классовой стратификации. Автор отмечает их сходства и различия, подчеркивает, что элита наших дней, в отличие от коммунистической, дифференцирована на отдельные группы, а именно: экономическую, политическую и интеллектуальную. Даются характеристики этих групп, описываются “точки” их взаимодействия и, наоборот, разграничения.

Обобщая многообразие существующих признаков и критериев элиты, предлагается следующее ее определение: “элита общества – это социальный слой, обладающий таким положением в обществе и такими качествами, которые позволяют ему управлять обществом либо оказывать существенное воздействие на процесс управления им, влиять (позитивно или негативно) на ценностные ориентации и поведенческие стереотипы в обществе и, в конечном счете, более активно, результативнее, чем все другие слои, участвовать в формировании тенденций развития общества, возникновения и разрешения социальных конфликтов, одновременно обладая гораздо большим, чем другие группы, суверенитетом в формировании собственного положения, в выборе своей групповой ориентации по основным общественным проблемам” [16].

Итак, происходившая в течение десятилетия трансформация российского общества серьезно сказалась на его социальной структуре. На общественную сцену выходят новые социальные группы: предприниматели (крупные, средние, мелкие и полупредприниматели), новая элита, новый средний класс и даже новые бедные, массовые слои маргинализируются, расширяется “социальное дно”. Но, как отмечает Т.И.Заславская, “хотя исследования последних лет заложили фундамент объективного изучения социальной структуры российского общества, наука пока не располагает надежным знанием последней” [7].

§ 4. Социально-экономические перемещения рабочей силы на современном российском рынке труда

В связи с проводимыми в России политическими и экономическими реформами появилось такое социальное явление, как безработица, присущее ранее только капиталистическому обществу. При социалистическом строе и плановой экономике люди совершенно не сталкивались с ним и не представляли, что это такое. Безработица в капиталистических странах воспринималась как нечто непонятное, абстрактное, но явное социальное зло. Всеобщая занятость, гарантированная социалистическим строем во главе с коммунистической партией не сулила больших заработков, как бы кто не работал, но давала всем возможность заработать необходимый и достаточный прожиточный минимум и иметь уверенность в завтрашнем дне.

А сейчас, когда эта уверенность утеряна и лишиться своего рабочего места и, следовательно, средств к существованию может практически каждый, абсолютным большинством работающего населения безработица воспринимается как социальное зло и несправедливость. Но так ли обстоят дела на самом деле? Проанализируем экономические и социальные перемены в нашей стране на основе социологических исследований и изучения общественного мнения, а также связанные с этими переменами изменения в материальном положении основной массы работающего населения.

В условиях повсеместного и глубокого спада производства, снижения общего уровня жизни и активной приватизации государственной собственности произошла и трансформация в российском обществе. Появились новые социальные слои и группы, причем деление на эти слои “имеет тенденцию к свертыванию чуть ли не до одного измерения – капитала, дохода, собственности”. В своей статье Т.И.Заславская [7] подробно дает описание признаков современных социальных слоев. Объектом ее исследований является взрослое работающее население страны. Она выделяет четыре основных слоя общества:

1. Верхний – крупные и средние предприниматели;
2. Средний – мелкие предприниматели, полупредприниматели, руководители производства, администраторы непромышленной сферы, высшая интеллигенция, рабочая элита, военнослужащие;
3. Базовый – массовая интеллигенция, полунинтеллигенция, индустриальные рабочие, массовые работники торговли и сервиса, крестьяне;
4. Низший – неквалифицированные рабочие, младший обслуживающий персонал.

Каково же материальное положение в различных социальных слоях и группах? По проведенному исследованию общественного мнения получилось, что зажиточно и состоятельно, а также в относительном достатке живут респонденты группы крупных и средних предпринимателей; только 2/3 респондентов из группы руководителей (менеджеров) производства; 2/3 высшей интеллигенции; по 1/3 из групп мелких предпринимателей и администраторов социальной сферы.

В остальных социальных группах наблюдается значительно меньший уровень доходов. Многие из занятых на производстве, имеющих высокий уровень образования специалистов или высокую профессиональную квалификацию живут сейчас за чертой бедности и даже нищеты.

В последние годы, исходя из проводимых социологических исследований, прослеживается тенденция к снижению уровня материальных запросов и потребностей у менее обеспеченной части населения и постепенное привыкание к отсутствию многих социальных благ: комфортного отдыха на курорте, в санатории, приятного проведения досуга в ресторане, казино, роскошной машины, дачи и многого другого. Несмотря на это, согласно исследованию Т.И.Заславской, обнаружилось более чем тройное отставание реальных доходов массовых социальных групп от уровня, полагаемого ими “справедливым”.

Неудовлетворенность уровнем получаемых доходов для основной части работающего населения – базового и нижнего слоя – “вряд ли играет конструктивную роль, побуждая людей к эффективной деятельности. Более частыми ее результатами служат такие типы реакций, как рост недовольства, протестное поведение (демонстрации, забастовки, блокады), вынужденный уход из большой экономики в разные способы самообеспечения (включая растаскивание бывшей общественной собственности) либо фаталистское опускание рук и смирение с неизбежным. В наибольшей мере это характерно для массовой интеллигенции, неквалифицированных рабочих, военнослужащих, полуинтеллигенции и индустриальных рабочих”.

На фоне роста реального содержания основных и дополнительных расходов работающего населения России в среднем на 16 % тенденцию к более быстрому росту показали доходы верхнего и среднего слоя – администрации, средних и крупных предпринимателей и т.д. Идет постоянный процесс концентрации денежных доходов в руках ограниченного круга лиц. Степень расслоения населения по доходам уже сейчас весьма значительна. В то же время значительно снизились доходы рабочей элиты, крестьян и особенно мелких предпринимателей. То есть “ухудшилось... положение социальных групп, обладающих наиболее квалифицированным и деятельностным потенциалом – высшей интеллигенции, менеджеров производственной сферы, рабочей элиты, крестьян почти в десять раз по сравнению с верхним и средним слоями”.

В последние годы обнаруживается еще и тенденция к восстановлению традиционной уравниловки среди высококвалифицированных работников и лиц со средней и низкой квалификацией в сфере производства и умственного труда. Это, в частности, происходит потому, что “в результате формирования рынка труда, регулируемого спросом и предложением, многие инженеры, преподаватели, агрономы, научные работники оказались фактически лишними. Возникла большая скрытая безработица, зарплата массовой интеллигенции снизилась”. Но несмотря на

этот факт, люди по-прежнему ценят свое рабочее место и продолжают трудиться в надежде на перемены к лучшему.

Этот вопрос затронут и в работе Ю.А.Левады “Возвращаясь к феномену “человека советского”: проблемы методологии анализа”. По его исследованиям за истекшие годы “получается, что ни одна из возрастных или образовательных групп не обнаруживает роста предпринимательских... склонностей, для всех преобладающей остается типично советская ориентация на “небольшой, но твердый заработок””. Но в то же время, по результатам опросов, обостряется проблема материального достатка. Его считают недостаточным 54 % из числа респондентов.

Отмечается также и рост неуверенности в себе, особенно у более сильного социального слоя – сторонников экономических реформ. Большое и часто решающее значение при принятии решения в нашей стране играет коллективизм – равнение на мнение окружающих. Особенно это характерно для старшего поколения, воспитанного на коммунистической идеологии и политических традициях. Таким людям особенно трудно и невыносимо чувствовать себя “выброшенными” из трудовой жизни при сокращении штатов, как бы отвергнутыми своим родным коллективом и психологически просто невозможно что-то менять в своей профессиональной деятельности.

А ведь если разобраться, что несет в себе безработица? Это лишь временное выпадение из социально-профессиональной структуры общества. Большая часть безработных – лица трудоспособного возраста, которым еще далеко до пенсии, и их вряд ли устроит жизнь на государственное пособие и по моральным, и по материальным соображениям.

Конечно, лишившись работы и, соответственно, привычного уклада жизни, человек переживает сильный психологический и эмоциональный стресс. Но с течением времени успокоившись и трезво оценив свое новое социальное положение, можно взглянуть на эту “беду” и с другой точки зрения. Изменение социального статуса, которое дает регистрация в качестве безработного, помимо недостатков несет и массу возможностей в корне изменить свою жизнь и профессиональную деятельность.

Рассмотрим эти возможности:

1. *Переобучение, освоение новой, более перспективной на современном рынке труда профессии.* Обучение безработного будет оплачиваться службой занятости, он сможет сам выбрать учебные курсы, специальность; сможет повысить свой профессиональный уровень. При затруднении с выбором учебных курсов, может получить совет профконсультанта.

2. *Участие в общественных работах.* Безработный может испытать свои профессиональные навыки на оплачиваемых общественных работах, получая при этом пособие по безработице и дополнительную зарплату.

3. *Познание своих профессиональных способностей и возможностей.* Профдиагностическая консультация у специалиста по профориентации, а следовательно, приобретение уверенности в себе и более правильный выбор области профессиональной деятельности.

4. *Изменение материального положения.* Трудоустройство на более удобное и подходящее место работы, с более высокой оплатой труда.

5. *Открытие своего дела, фирмы; индивидуально-трудовая деятельность.*

Все перечисленные возможности реальны и достижимы практически для каждого безработного, действительно имеющего желание найти работу и, в конечном счете, они ведут к значительному изменению и зачастую улучшению материального положения, социального статуса и, следовательно, к качественному изменению жизни человека.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что безработица – это один из каналов социальной циркуляции в экономически развивающемся обществе. Она практически неизбежна, но не является только лишь социальным злом, скорее это двигатель, заставляющий каждого человека лучше и качественнее работать, проявлять трудовую инициативу, творческий подход в любой работе, заниматься самосовершенствованием, осваивать новые технологии и специальности.

Глава II.

СОЦИАЛЬНО-ЦИРКУЛЯЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОБЩЕСТВЕ

§ 1. Подход к проблеме исследования социально-статусных перемещений незанятых граждан

Мы считаем, что состояние безработицы для граждан действительно является состоянием, вызывающим существенные изменения в их социальном сознании и, в частности, в социально-профессиональном сознании, которые приводят их к осознанию и изменению своего профессионального поведения, своих трудовых ориентаций, потребностей, целей и идеалов.

В настоящий момент в промышленной сфере, особенно связанной с военно-промышленным комплексом, происходят крупнейшие застойные явления, характеризующиеся большим спадом производства, разукрупнением, репрофилированием, а также явным или скрытым высвобождением рабочей силы. Разберем отдельно эти случаи безработицы.

Когда происходит прямое увольнение рабочих и служащих, уволенные направляются в государственные органы службы занятости и встают на учет. Как правило, в настоящее время среди них очень много женщин и мужчин зрелого и предпенсионного возраста, которые длительное время проработали на подобных промышленных предприятиях. При этом они осознают, что со своей квалификацией, связанной с работой в сфере ВПК, они имеют низкие шансы найти иную работу по профилю и обладают низкой конкурентоспособностью. Одновременно с этим граждане, привыкшие к благоприятным условиям положения на рынке труда, а также к относительно высокому уровню социального, материального статуса, испытывают социально-статусное нисходящее движение. Это приводит их социальное сознание к фрустрации и в социально-неуравновешенное положение.

Ввиду того, что в структуре российского производства рассмотренная сфера экономики занимает весьма значительную долю, как правило концентрирующуюся в одном месте, то рассмотренная ситуация является типичной для многих отечественных регионов, в том числе и для Саратовской области. Дальнейшее развитие ситуации в этом случае предполагает, по-нашему мнению, несколько вариантов.

В первом из них, человек смиряется со своим печальным положением. В этом случае он выходит на пенсию или находит более низкостатусную (относительно своей) профессию, или остается без работы с возможным финансовым обеспечением себя членами своей семьи или государственными дотациями. Это иначе можно назвать нисходящей социальной мобильностью. Она характерна для многих граждан предпенсионного возраста, женщин-матерей, у которых среди членов семьи есть лица, имеющие большой доход.

В другом варианте развития этой профессионально-жизненной ситуации люди, попав в положение безработного, успешно используют ситуацию вынужденного перерыва в профессиональной деятельности. В этом случае они по-новому оценивают себя и свои профессиональные возможности, а также переосмысливают

вновь сложившиеся условия на рынке труда. В результате этого они осуществляют свое целенаправленное трудовое поведение, нацеленное на трудоустройство в такой сфере и по такой профессии, которая позволила бы занять большее или равное с прежним положение в социальной структуре изменившегося общества. Примерами могут служить граждане, нашедшие работу в малом бизнесе, в сфере челночной и обычной торговли, в сфере услуг. О таких людях можно говорить, что они воспользовались безработицей как каналом для осуществления вертикальной или горизонтальной социальной мобильности.

Другим характерным случаем недавнего прошлого и настоящего служит скрытая безработица. При этом варианте граждане переводятся на неполную трудовую загруженность или отправляются в вынужденные отпуска с минимальным содержанием, то есть они окончательно не теряют связи со своим предприятием. Как правило, только меньшая часть из них удовлетворяется своим положением (это пассивная часть тех, для кого работа является только средством общения и нескучного времяпрепровождения, а не средством зарабатывания денег или самовыражения). Большинство, естественно, остаются недовольными. Кто-то из них увольняется и переходит в группу, рассмотренную по первому варианту, кто-то остается в состоянии полубезработицы. Однако и она не является однородной. Часть людей, которых можно описать как исполнителей, привыкших добросовестно работать в налаженных производственных условиях, работает в новом неустроенном режиме. Для них ситуация также плоха, но они не способны ничего изменить. Их можно описать как заложников наблюдающейся ситуации на рынке труда и как лиц с низкой конкурентоспособностью, не вписывающихся в ее настоящее и будущее состояние.

Другие граждане, из контингента скрытых безработных, не увольняясь со своего старого места работы, пытаются адаптироваться в новых экономических отношениях. Они включаются в челночный бизнес, работают по заказам на своем рабочем месте или вне его, учатся новой профессии или повышают свою квалификацию. То есть эти граждане используют освободившееся от работы время с пользой для себя и, следовательно, пытаются сохранить свое положение в социальной структуре общества.

В 1996 году социологической группой Поволжского межрегионального учебного центра была разработана методика и проведен пробный опрос по теме “Профессиональные предпочтения молодежи” [17]. Разберем анализ профессиональных статусов респондентов.

Результаты анализа совместных ответов на вопрос о профессии-мечте детства и вопрос по профессиональной биографии респондентов показывают, что в нашем обществе за последние 15–20 лет сложилась такая структура экономики и рынка труда, в которой преимущественной является горизонтальная профессиональная мобильность. Однако значимыми для настоящего момента на рынке труда являются и нисходящие потоки в профессиональной мобильности. Такие явления можно проследить по нашим данным на примере 17 опрошенных респондентов: в 15 случаях их профессиональная биография начиналась с профессии, которая является ниже статусной по отношению к той, о которой мечтали в детстве.

Рассмотрение профессиональной биографии работающих и безработных респондентов дает среднее количество профессий, по которым работали

респонденты в своей жизни, – 2,2 профессии на человека. 11 % опрошенных в процессе своей профессиональной биографии стали работать по профессиям, которые свидетельствуют об их индивидуальной вертикальной профессиональной мобильности и, следовательно, о повышении их социального статуса. Заметим, что для этих 11 % человек их вертикальная, в итоге, профессиональная мобильность на промежуточных этапах чередовалась и с нисходящей мобильностью. Только один человек из опрошенных понизил свой профессиональный статус.

Тем самым подтверждается следующее рассуждение: в наблюдающемся состоянии социума имеется высокая вероятность социальной мобильности субъектов рынка труда из одной социальной страты в другую. Она накладывает ограничения на принятие или непринятие субъектами рынка труда определенных профессий. Необходимо отметить, что социальная мобильность вверх осуществляется с большим желанием, чем обратная социальная мобильность. Однако стабильность общества диктует инерционность его субъектов в осуществлении этой мобильности.

Ввиду того, что социологические опросы незанятых и безработных граждан показывают ¹, что важнейшими мотивами при выборе новой профессии и рабочего места являются высокий уровень оплаты труда и гарантированность трудоустройства, то эта стратегия, возможно, будет определяющей при формировании социальной структуры и выявлении безработных субъектов на рынке труда и спектра их профессий. Как пример этого можно привести наблюдающийся сейчас отток людей, обладающих определенной квалификацией, в сферы экономики с высокой оплатой труда (это прежде всего “челночно-посреднический” бизнес, издательское дело, малый бизнес).

§ 2. Особенности социальной циркуляции граждан, прошедших через состояние безработицы

В рамках фундаментального исследования данной проблемы проведен пилотажный опрос граждан, находящихся какое-то время в состоянии безработицы, ныне работающих на различных предприятиях в качестве наемных работников или имеющих собственное дело. Задача опроса – выявить мнение респондентов о перемене своего социального статуса, определить субъективные и объективные причины циркуляции рабочей силы, кроме того, ставилась задача апробировать инструментарий. Всего опрошен 101 человек, выборка формировалась по спискам служб занятости. Выбирались респонденты, снявшиеся с учета в связи с трудоустройством.

Все опрошенные были безработными, причем часть из них находилась в состоянии безработицы неоднократно (70 % – один раз, 22 % – два раза, 6 % – три раза и более). До того, как стать безработными первый раз, 28 % (наибольшее количество ответивших) были техническими специалистами, 23 % – техническими работниками и младшими специалистами, 17 % – специалистами-гуманитариями.

¹ В частности, это проявилось в результатах серии социологических опросов незанятых граждан Саратовской области, проведенных социологической группой Поволжского межрегионального учебного центра.

В сфере торговли и услуг трудились 10 % опрошенных, заводскими рабочими были 7 % респондентов. Клерками, чиновниками – 6 %. Основная сфера деятельности большинства – промышленность (56 %), затем – торговля (14 %), образование (11 %).

Причиной потери работы 42 % называют увольнение по сокращению штатов, по собственному желанию уволились 25 %, из-за закрытия предприятия – 16 %. В среднем срок работы на предприятии перед увольнением составляет 8,5 лет. Содержанием работы было довольно подавляющее большинство опрошенных (“да” – 67 %, “частично” – 24 %, “нет” – 8 %). Условия труда удовлетворяли полностью 57 % респондентов, частично – 31 %, размер заработной платы удовлетворял полностью 33 %, частично – 32 %. Своевременность выплаты зарплаты 66 % отметили как удовлетворительную, а дополнительные денежные выплаты не устраивали почти половину респондентов (47 %). То же самое можно сказать и о перспективах роста: 42 % признают этот фактор неудовлетворительным. Психологический климат и занимаемую должность примерно половина респондентов (55 % и 62 %) считают приемлемыми для себя.

Респондентам было предложено отметить свое место на воображаемой социальной лестнице, которая состоит из восьми ступеней. Первые две ступени символизируют “самое низкое” и “низкое” место, последние две “высокое” и “самое высокое”. Четыре средних ступени условно обозначим: “среднее – 3”, “среднее – 4”, “среднее – 5”, “среднее – 6” по мере возрастания статуса. Наибольшее число респондентов отнесли себя к ступени, символизирующей “среднее – 4” (28 %) и “среднее – 3” (25 %). “Среднее – 5” назвали 17 %, “среднее – 6” – 10 %. “Самое низкое” социальное положение отметили 11 %. То есть, если суммировать эти данные, можно сказать, что большинство опрошенных (80 %) относят себя к среднему классу. Причем большинство отметили “среднее – 3” и “среднее – 4”, эти две категории стоят ближе к низкому социальному положению. “Низкое” положение отметили 5 % респондентов и самый низ социальной лестницы – 11 %.

Последнее место работы 68 % опрошенных нашли через родственников и друзей, 9 % – по объявлениям в прессе и на телевидении. У большинства это работа, связанная с торговлей и сферой услуг (29 %), значительное количество составляют специалисты-гуманитарии (21 %), технические работники – 15 %, а технические специалисты переместились на четвертое место – 11 % (сравните, до того как респонденты стали безработными, их было 56 %). В настоящее время основная масса опрошенных (34 %) работает в сфере торговли, 21 % – работники сферы образования, 10 % – в здравоохранении и сфере социального обеспечения.

Содержание работы половина опрошенных (54 %) оценили как удовлетворительное, частично удовлетворены содержанием работы 30 %, не удовлетворены совсем – 15 %. Условия труда устраивают 41 %, размер заработной платы – 35 %, своевременность выплаты 56 % признают как удовлетворительную. Дополнительных денежных выплат 68 % не имеют совсем, большинство опрошенных не довольны также и перспективами своего роста (53 %). Наименьшие претензии – к перспективам роста и психологическому климату в коллективе. Их признали удовлетворительными соответственно 58 % и 53 %.

На вопрос “Хотели бы Вы сменить место работы?” удовлетворительно ответили 36 %. Дополнительную работу имеют лишь 20 %, 79 % работают на одной работе.

Сформулируем общие выводы по результатам опроса работающих граждан, прошедших через состояние безработицы. Итак, опрошенные нами граждане в большинстве своем были безработными один раз и только 1/5 респондентов были безработными два раза. Большинство опрошенных до безработицы работали в сфере промышленности (свыше половины от общего числа). Самыми распространенными причинами безработицы они называли сокращение штатов (40 %), 1/5 опрошенных уволились по собственному желанию. Среднее время работы на предприятии – 8,5 лет. В целом они были довольны условиями своего труда, за исключением денежных выплат за свой труд, для значительной части проблемой были перспективы должностного роста. Большинство граждан до состояния своей первой безработицы относили себя к “среднему среднему” и “среднему низшему” классу общества. В целом первый раз безработными они были почти 9 месяцев (это достаточно много). Только чуть более половины из них были зарегистрированы в службе занятости. Видимо, часть из них прошла через состояние скрытой безработицы (когда работающие граждане официально отправляются администрацией предприятия в отпуск без содержания). Помощь со стороны службы занятости в трудоустройстве тем, кто проходил через эту государственную структуру, оценивается в большинстве случаев отрицательно. В основном служба занятости предоставляла сведения о вакантных местах и направляла на профессиональное переобучение. Большинство граждан традиционно искали себе место работы через родственников и друзей.

После безработицы многие стали работать в сфере торговли (1/3 респондентов), воспитания и образования (1/5), промышленности (1/6), здравоохранении (1/10). Сравнение сфер работы до и после безработицы показывает тенденции современного российского рынка труда, которые состоят в том, что люди из сферы промышленности (которая испытывает спад и не функционирует, особенно это касается ВПК) уходят в другие сферы экономики, в первую очередь, в сферу торговли. Социологические данные также показывают, что последняя работа для многих является компромиссной, труд на которой осуществляется ради простого выживания (условиями труда, своим производственным статусом и размером заработной платы многие не довольны). Половина опрошенных желает опять сменить работу. Если рассуждать о трудовых ценностях данной группы людей, то лидирующими у них оказались такие качества, как заработная плата и содержание работы. Приемлемая зарплата для них почти в три раза больше получаемой к моменту опроса. Большая часть этой группы относится к безработице как к безусловному злу. Они политически нейтральны. Половина из них желала бы заниматься предпринимательской деятельностью, другая половина – нет.

Если сравнивать социальное положение граждан после состояния безработицы и до него, то в целом оно опустилось как бы на одну ступеньку вниз, то есть у значительного числа оно осознается средним низким и низким. Однако если учесть, что социальное положение всех граждан России ухудшилось, можно утверждать, что описываемая нами социальная группа осуществила неплохую в сложившихся

условиях социально-профессиональную мобильность, позволившую им не опуститься на “социальное дно”.

§ 3. Гендерный аспект динамики социально-профессионального статуса бывших безработных

И мужчины и женщины, опрошенные в рамках данного исследования, являлись безработными. Один раз стояли на учете по безработице 22 % мужчин и 77 % женщин, два раза – 31 % мужчин и 68 % женщин, три раза и более – 33 % и 66 % мужчин и женщин соответственно. По специальности респонденты-мужчины распределились следующим образом: технические работники, младшие специалисты – 40 %, специалисты (технические) – 32 %, остальные сферы представлены очень маленькими цифрами, наибольшая из них – заводские рабочие, станочники – 8 %. У женщин: на первом месте те же технические специалисты – 26 %, далее идут гуманитарные специалисты – 21 %, технические работники, младшие специалисты – 17 %, работники торговли, сферы услуг – 12 %, заводские рабочие, станочники – 6 %. По сферам деятельности у мужчин первое место занимает промышленность – 62 %, то же самое и у женщин – 54 %. Таким образом ясно, что основная часть респондентов трудилась на промышленных предприятиях прежде чем попасть в разряд безработных.

Причины потери работы у мужчин и женщин разные: если большинство мужчин уволилось по собственному желанию (44 %), то основная масса женщин уволена по сокращению штатов (48 %), у мужчин по сокращению штатов уволены 24 %. В среднем, на последнем месте работы, прежде чем стать безработным, мужчины проработали около 8 лет, женщины – около 9. Содержание работы устраивало 68 % мужчин и 67 % женщин, частично устраивало 20 % мужчин и 26 % женщин, не устраивало совсем 12 % мужчин и 6 % женщин. Условия труда полностью устраивали 54 % мужчин и 58 % женщин, частично – 41 % мужчин и 27 % женщин, не устраивали совсем 4 % мужчин и 13 % женщин. Размер зарплаты не устраивал 44 % мужчин и 35 % женщин, устраивал частично 28 % мужчин и 33 % женщин и устраивал полностью 28 % мужчин и 35 % женщин. Своевременность выплаты зарплаты удовлетворяла 72 % мужчин и 64 % женщин, не удовлетворяла 20 % мужчин и 24 % женщин. Дополнительными денежными выплатами не довольны 45 % мужчин и 47 % женщин, 29 % мужчин и 33 % женщин ответили, что на предприятии, где они работали, дополнительные денежные выплаты их устраивали. Перспективы роста, в основном, не устраивали женщин: 44 % считают, что не смогли бы сделать карьеру на последнем месте работы, среди мужчин таких респондентов 36 %. Перспективами роста были вполне удовлетворены 20 % мужчин и 34 % женщин. Занимаемой должностью были довольны 52 % мужчин и 66 % женщин.

Один из ключевых вопросов исследования – вопрос о социальном положении. Отмечая свое место на воображаемой “социальной лестнице”, о которой говорилось выше, основная масса мужчин свое социальное положение оценивает выше, чем основная масса женщин: “среднее – 5” отметили 32 % мужчин и 12 % женщин, однако “среднее – 6” (“среднее” близкое к “высокому”) отметили всего 4 % мужчин

и 12 % женщин. “Самое низкое” положение отметили 12 % мужчин и 10 % женщин. “Самое высокое” мужчины не отметили вообще, у женщин таких всего 1 %. Если суммировать данные по ранжирам, то результаты получаются более усредненные и различий практически нет. (Мужчины: “низкое” – 16 %, “среднее” – 80 %, “высокое” – 4 %. Женщины: “низкое” – 16 %, “среднее” – 80 %, “высокое” – 2 %.)

Среднемесячный срок пребывания в состоянии безработицы у мужчин – 7,4 месяца, у женщин – 9,2 месяца. 28 % мужчин и 38 % женщин какое-то время находились в состоянии скрытой безработицы. В службе занятости были зарегистрированы 25 % мужчин и 68 % женщин. На вопрос “Какую помощь работники службы занятости должны оказывать в первую очередь?” мужчины ответили следующим образом: первые два места делят альтернативы “предоставлять сведения о вакантных местах” и “оказывать помощь в профессиональном переобучении” (по 62 %), далее идут ответы: “оказывать психологическую поддержку” (25 %), “оказывать помощь в профессиональном ориентировании” (12 %). Женщины ответили практически так же; на первом месте – “сведения о вакантных местах” (63 %), на втором – “помощь в профессиональном переобучении” (60 %), на третьем – “психологическая поддержка” (20 %), на четвертом – “помощь в профессиональном ориентировании” (15 %). На вопрос о том, как респонденты нашли последнее место работы основная часть обеих групп ответила “через родственников и друзей” (по 68 %), 12 % мужчин и 8 % женщин нашли работу через телевидение и прессу.

В настоящее время респонденты-мужчины работают по следующим группам: технические специалисты и работники (по 24 %), работники торговли, сферы услуг – 20 %, специалисты-гуманитарии – 12 %, ремесленные работники – 8 %. У женщин первое место занимают работники сферы услуг, торговли (33 %), далее идут специалисты-гуманитарии, технические работники и младшие специалисты (по 12 %), клерки, чиновники (11 %), работники элементарных профессий (8 %). Содержание работы большинство работающих устраивает (64 % и 51 %), условия труда считают приемлемыми для себя 48 % мужчин и 39 % женщин, размер зарплаты полностью удовлетворяет лишь 32 % мужчин и 17 % женщин. Своевременность выплаты заработной платы большинство ответивших считают удовлетворительной. Дополнительные денежные выплаты не устраивают 54 % мужчин и 73 % женщин, перспективы роста – 41 % и 57 % соответственно. Психологический климат считают приемлемым для себя большинство мужчин и женщин (76 % и 51 %), занимаемой должностью довольны более половины мужчин и женщин (52 % и 54 %). Приблизительно 1/3 опрошенных (28 % и 31 %) хотели бы сменить место работы, 29 % мужчин и 17 % женщин имеют дополнительную работу: у мужчин это работа по инженерным специальностям (28 %) и ремесленным (28 %), у женщин на первом месте гуманитарные специальности (50 %), далее идут сфера услуг и элементарные занятия (30 % и 20 %).

76 % мужчин свое социальное положение определяют как “средний класс”, низкое социальное положение отмечают 24 % респондентов-мужчин. У женщин к среднему классу себя относят 53 %, а 40 % считают себя представителями “низкого класса”. Таким образом, если данные цифры сравнить с теми, которые респонденты называли до потери работы, можно увидеть, что у мужчин оценка своего

социального статуса изменилась незначительно, женщины же ощущают резкое понижение своего статуса (с 16 % “низкий социальный статус” возрос до 40 %).

Главными признаками приемлемой работы и мужчины и женщины называют “уровень заработной платы” (50 % и 67 %), на втором месте – “содержание работы” (31 % и 30 %). Несмотря на то, что все респонденты побывали безработными, 42 % мужчин и 22 % женщин считают, что в разумных пределах безработица необходима. Приемлемая заработная плата для мужчин составляет в среднем 1 800 рублей, для женщин – 1 300 рублей. Как оценивают респонденты перемены, происходящие в стране за последнее десятилетие, видно из ответа на вопрос “Оценка последнего десятилетия”. Наибольшее количество дает нейтральную оценку – 36 % мужчин и 43 % женщин, преимущественно отрицательную – 32 % мужчин и 19 % женщин, преимущественно положительную – 24 % и 19 % соответственно. По мнению мужчин работой должен обеспечить себя, в первую очередь, сам человек (54 %), 25 % считают, что это забота государства. Их поддерживают 46 % женщин, а 35 % с ними не согласны. 60 % мужчин и 34 % женщин хотели бы заняться предпринимательской деятельностью. Основная причина, препятствующая осуществлению этих планов, – отсутствие капитала (55 % мужчин и 56 % женщин), затем у мужчин равные цифры набрали альтернативы “нет личных качеств”, “нестабильность экономики”, “отсутствие связей” (по 22 %). Интересно, что ни один из респондентов-мужчин не отметил альтернативу “недостаток знаний”. 22 % женщин ссылаются на отсутствие личных качеств, недостаток знаний (21 %), на нестабильность экономики (19 %), отсутствие связей (17 %).

По образовательному уровню респонденты распределились следующим образом: и мужчины и женщины в большинстве своем имеют высшее образование (60 % и 57 %), техникум окончили 16 % мужчин и 27 % женщин, профтехучилище – 12 % и 9 % соответственно, среднее образование имеют 12 % мужчин и 5 % женщин. У мужчин среднемесячный доход составляет 560 рублей, у женщин – 507 рублей.

Выводы из проведенного анализа гендерных аспектов социально-профессионального статуса можно сделать следующие:

- **Мужчины.** Подавляющее большинство опрошенных мужчин имеют технические специальности высшего и среднего уровня. До того, как получить статус безработного первый раз, основной сферой деятельности большинства опрошенных была промышленность. Причиной увольнения большинство считали увольнение по собственному желанию. Содержание работы многие считали приемлемым для себя, но заработная плата большинство не устраивала. Не устраивали также дополнительные денежные выплаты и перспективы роста. Свое социальное положение до первого пребывания в статусе безработного большинство определяет как среднее. Значительному количеству мужчин служба занятости оказала содействие в трудоустройстве, наиболее ценной помощью службы занятости мужчины считают помощь в профессиональном переобучении.

Последнее место работы также в большинстве случаев связано с техническими специальностями, однако значительная часть перешла в сферу торговли и услуг. Содержание работы в настоящее время устраивает большинство респондентов-мужчин, но они, как и прежде, не довольны своим материальным положением. Основная масса относит себя к “среднему классу”, но значительно возросла доля

тех, кто считает свое социальное положение низким. Ценность работы стала тем выше, чем выше уровень заработной платы. Содержание работы и престиж преобладающими признаками не являются. У респондентов нет резко отрицательной оценки безработицы, а к экономической реформе большинство относится нейтрально, то есть положительная или отрицательная оценка этого процесса зависит от того, насколько благополучно произойдет адаптация в новых условиях. Значительная часть хотела бы заниматься предпринимательской деятельностью, но этому препятствует отсутствие капитала.

• **Женщины.** Основное количество опрошенных женщин стояло на учете по безработице до трех раз и более. По первой специальности разброс очень большой и выделить какие-то приоритетные специальности довольно трудно. Основная масса трудилась в сфере промышленности и уволена из-за сокращения штатов. Содержание работы и условия труда, в основном, были приемлемыми, но размер заработной платы и дополнительные денежные выплаты большинство не устраивало. Женщины также были не довольны перспективами роста. Свое социальное положение женщины определяют как “средний класс”. Помощь в трудоустройстве со стороны службы занятости незначительна. В настоящее время большинство работает в торговле и сфере услуг, размер заработной платы основную часть респондентов совершенно не устраивает. Произошел резкий сдвиг в определении своего социального статуса в сторону понижения. Почти половина опрошенных женщин называют свой социальный статус “низким”. Ценность работы, как и мужчины, женщины определяют уровнем заработной платы. Резко отрицательной оценки экономической ситуации в стране большинство женщин не дает, но уровень социальной напряженности достаточно высок.

§ 4. Возрастные особенности социального статуса лиц, прошедших через состояние безработицы

Мы рассматривали четыре возрастные группы: 20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50 лет и старше. В дальнейшем эти группы будут называться 1, 2, 3 и 4-я соответственно. Но по причине малочисленности 4-я группа практически рассматриваться не будет.

Что из себя представляют наши респонденты в вышеназванных возрастных категориях?

При анализе паспортных данных анкеты видно, что во всех возрастных группах (можно сказать, традиционно) преобладают женщины. Наблюдается такое соотношение женщин и мужчин в группах: 2-я группа – 82,8 % и 17,2 %, 3-я группа – 75 % и 25 %, 1-я группа – 72 % и 28 % и 4-я группа – 57,1 % и 42,9 %. А если сравнить количество женщин и мужчин между группами, то видно, что женщин больше в 3-й группе (39,5 %), далее – во 2-й (31,6 %), в 1-й (23,7 %).

Образовательный ценз распределен среди наших респондентов следующим образом. В каждой группе больше людей с высшим образованием: 3-я группа – 65 %, 4-я группа – 57,1 %, 2-я группа – 58,6 %, 1-я группа – 48 %. Много людей закончили техникум: 4-я группа – 28,6 %, 3-я группа – 27,5 %, 2-я группа – 24,1 %, 1-я группа – 20 %; меньше – ПТУ: 4-я группа – 14,3 %, 2-я группа – 13,8 %, 1-я группа – 12 % и 3-я группа – 5 %. В 1-й группе, очевидно по причине молодости ее представителей,

многие имеют только среднее образование – 20 %. В итоге, рассматривая образование в межвозрастном ракурсе, можно отметить, что с высшим образованием больше 40–49-летних респондентов (44,1 %), далее – 30–39-летних (28,8 %), а в 1-й группе таких 20 %. Такое распределение высшего образования вполне логично: “старшие” к настоящему времени уже отучились, а у “младших” все еще впереди. Техникумы были наиболее популярны в 60–70-е годы, поэтому и респондентов со среднетехническим образованием больше среди 40–49-летних и далее – во 2-й группе (28 %) и в 1-й (20 %). Во 2-й группе ПТУ закончили – 40 %, в 1-й группе – 30 %, в 3-й – 20 %. И, наконец, естественно, что 1-я группа лидирует по среднему образованию – 71,4 %, 2-я и 3-я группы – по 14,3 %.

Наши анкетированные, в основном, люди семейные. Численность семей в первых двух возрастных категориях составляет в среднем два человека, а в 3-й группе – в среднем три человека. Среднемесячный доход семей с учетом поступления из всех источников распределен по убывающей следующим образом: группа 20–29 лет – 576,8 рубля, группа 30–39 лет – 531,4 рубля, группа 40–49 лет – 420,8 рубля. Такова краткая характеристика анкетированных по вышеуказанным возрастным категориям.

До того, как стали безработными, наши респонденты работали. Причины потери работы разнообразны. В 1-й возрастной группе больше уволившихся по собственному желанию (36 %), во 2-й и в 3-й таковых по 28 %. “Сокращение штатов” – такую причину потери работы называют респонденты в следующем порядке по убыванию их количества: 3-я группа – 54,8 %, 2-я группа – 33,3 %, 1-я группа – 7,1 %. Потеряли работу по причине закрытия предприятия 37,5 % респондентов 3-й группы, 31,3 % – 1-й группы и 18,7 % – 2-й группы. “Истек срок временной работы” – эту причину назвали немногие из группы 20–29-летних. И очень немногие в численном отношении респонденты во 2-й и в 1-й группах остались без работы из-за смены места жительства. На своем последнем месте работы 20–29-летние респонденты работали в среднем 6 лет, 30–39-летние – 12,6 лет, а 40–49-летние – 18,4 лет.

Как известно, существуют разные виды или формы безработицы: 1) официальная, когда человек стоит на учете в службе занятости, 2) человек не работает, но не является клиентом службы занятости, 3) так называемая скрытая безработица, когда человек числится на предприятии, но находится добровольно в бессрочном отпуске за свой счет или не по своей воле работает неполную рабочую неделю, или чередует рабочие и нерабочие месяцы с потерей заработной платы. Все эти формы безработицы могут коснуться человека единожды или могут повторяться. Ответы респондентов на вопрос “Сколько раз Вы были безработным (имеются в виду любые формы безработицы)?” позволили сделать такой вывод: один раз (чаще, чем остальные) были безработными респонденты 40–49 лет (42,6 %), затем 30–39-летние (29,4 %) и 20–29-летние (23,5 %); два раза – на первом месте респонденты 3-й группы (36,4 %), на втором – респонденты 2-й группы (31,8 %) и на третьем – 1-й группы (22,7 %). И, наконец, есть респонденты, которые на себе испытали “прелести” безработицы три и более раз. Это представители 1-й группы, то есть 20–29-летние, (66,7 %), 2-й и 3-й групп (по 16,7 %). Респонденты всех групп первый раз были безработными менее года, а именно в среднем: 9,1 месяца – 2-я группа, 8,7 месяца – 3-я группа, 7,9 месяца – 1-я группа.

Более половины побывавших именно в состоянии скрытой безработицы составляют 40–49-летние респонденты (57,6 %). Можно предположить, что “пик” их большого трудового стажа пришелся как раз на соответствующий период нашей экономики, когда предприятия стали принимать искусственные меры для улучшения и даже сохранения своего существования. В первых двух группах таковых по 15,2 %. Однако и незнакомых с этой разновидностью безработицы не мало: 36,7 % из 2-й группы, 31,7 % из 1-й группы, 26,7 % из 3-й группы.

Кто-то из анкетированных будучи безработным стоял на учете в службе занятости, а кто-то и нет, решая проблемы безработицы только своими силами. Среди рассматриваемых возрастных категорий большинство зарегистрированных в службе занятости было 40–49-летних (37,9 %), далее – 30–39-летних респондентов (32,8 %) и 20–29-летних (24,1 %). Среди тех, кто не регистрировался в службе занятости также больше представителей 3-й группы (40,5 %), далее – 26,2 % в 1-й группе и 23,8 % во 2-й группе.

Два вопроса, касающиеся проблем безработицы: “Оказывает ли служба занятости помощь в трудоустройстве?” и “Какую другую помощь служба занятости должна оказывать своим клиентам?”, – постоянно стоят на повестке дня. Помогла ли служба занятости в трудоустройстве конкретно нашим респондентам, позволил выяснить соответствующий вопрос в анкете. 40 % представителей 2-й группы и по 30 % – 1-й и 3-й групп ответили утвердительно. “Не помогла” – так считают 44,2 % респондентов 3-й группы, 27,9 % – 2-й группы и 20,9 % – 1-й группы. Как видим, только в 3-й возрастной группе больше тех, кто не получил помощи службы занятости в трудоустройстве. Есть затрудняющиеся ответить на этот вопрос определенно. Ответивших так больше всего во 2-й группе (50 %), потом в 1-й (37,5 %).

Для ответа на второй вопрос (о других видах помощи работников службы занятости безработным) респондентам было предложено несколько вариантов ответов: 1) сведения о вакантных местах, 2) возможность профессионального обучения, 3) профессиональное ориентирование и 4) психологическая поддержка. Первому варианту отдают предпочтение 40,5 % 40–49-летних, затем (по мере убывания) – 33,3 % 30–39-летних и 23,8 % 20–29-летних. За возможность профессионального переобучения респонденты высказались в следующем порядке: 3-я группа – 40 %, 2-я группа – 35 % и 1-я группа – 20 %. Такое распределение предпочтений вполне логично: вопрос о переобучении более актуален для людей, имеющих профессии, не пользующиеся спросом на рынке труда, а таковых больше среди респондентов более старших возрастов. Необходимость профессионального ориентирования опять-таки отмечают, в первую очередь, респонденты 3-й возрастной группы (60 %). А респонденты других возрастов менее заинтересованы в такой помощи: 1-я группа – 20 % и 2-я группа – 10 %. Как ни странно, такой вид помощи оказался более необходимым людям, имеющим большой трудовой стаж, то есть лучше знающим свои способности и возможности в плане трудовой деятельности. И, наконец, психологическая поддержка будет весьма кстати в первую очередь для респондентов более старших возрастов: 3-я группа – 71,4 %, 2-я группа – 21,4 %, 1-я группа – 7,1 %.

Теперь рассмотрим ответы респондентов о помощи службы занятости отдельно в каждой возрастной группе. В каждой группе респонденты на первое место ставят

сведения о вакансиях (1-я группа – 76,9 %, 2-я группа – 66,7 %, 3-я группа – 58,6 %), также важна для всех возможность профессионального переобучения (1-я группа – 61,5 %, 2-я группа – 66,7 %, 3-я группа – 55,2 %). Третье место респонденты 1-й группы отводят профессиональному ориентированию (15,4 %), а респонденты 2-й и 3-й групп – психологической поддержке (2-я группа – 14,9 %, 3-я группа – 34,5 %). Менее важной для 1-й группы оказалась психологическая поддержка (7,7 %), а для 2-й и 3-й групп – профессиональное ориентирование (соответственно 4,7 % и 20,7 %). При таком рассмотрении (по каждой возрастной группе отдельно), ответы, на наш взгляд, вполне логичны, а некоторая их нелогичность при межгрупповом рассмотрении объясняется большей численностью респондентов 3-й группы.

Итак, наши респонденты, побыв безработными один, два или более раз, трудоустроились и в настоящий момент работают. Нас интересовало, как они нашли свое последнее место работы. И получили, можно уже утверждать, традиционный ответ “С помощью родственников и друзей”. Он превалирует в каждой группе (76 %, 72 % и 62,2 % соответственно в 1, 2 и 3-й группах). Заслуживает также внимания ответ “С помощью телевизионных, газетных и журнальных объявлений” (12 %, 10,8 % и 8 % соответственно во 2, 1 и 3-й группах). Единицы людей устроились на работу с помощью службы занятости и через отдел кадров предприятий. Наблюдается несоответствие при анализе ответов на вопрос о помощи службы занятости в трудоустройстве и о том, как нашли работу. Отвечая положительно на первый вопрос, респонденты, очевидно, имели в виду любую помощь, оказанную им работниками службы занятости, а не только конкретно в трудоустройстве и непременно с положительным результатом.

Анализируя ответы на соответствующий вопрос анкеты, мы имеем возможность сравнить, кем и в какой сфере работали наши анкетированные до потери работы первый раз и кем и в какой сфере они работают в настоящее время. И в связи с этим изменилось ли, и как именно, их социальное положение.

Специалистов технических было больше в 3-й группе (53,6 %), в 1-й и 2-й группах – по 21,4 %. Специалистов-гуманитариев также было больше в 3-й группе (52,9 %), и в 1-й, 2-й – по 23,5 %. Технических работников, младших специалистов в 1-й и 3-й группах было по 34,8 %, и во 2-й группе – 30,4 %. Среди всех возрастных групп чиновники и клерки преобладали в 1-й группе (50 %), во 2-й группе их было 33,3 %, в 3-й группе – 16,7 %. Точно такое соотношение наблюдалось в профессиях сферы услуг, торговли: 1, 2 и 3-я группы (соответственно 50 %, 40 %, 10 %). Были в каждой группе и заводские рабочие, станочники. В процентном отношении таковых было по 28,6 % в каждой группе, но точности ради надо сказать, что в численном выражении их единицы.

В промышленности больше работало людей из 3-й группы (47,9 %), затем – из 2-й группы (27,1 %) и из 1-й (12,5 %). В сфере образования и воспитания лидировали 3-я и 1-я группы (по 40 %), во 2-й группе – 20 %. И, наконец, сфера торговли и бытовых услуг: среди всех респондентов из разных возрастных групп, отметивших эту сферу деятельности, половина (50 %) – из 1-й группы, 33,3 % – из 2-й и 8,3 % – из 3-й групп.

Что же изменилось в профессионально-трудовых предпочтениях респондентов, после того, как побыв безработными, они стали вновь работать? Специалистов технических по-прежнему больше в 3-й группе (45,5 %). В 1-й и 2-й группах таковых

специалистов по 18,2 %. Как видим, во всех группах количество технических специалистов уменьшилось. Специалистов-гуманитариев в 3-й и 2-й группах стало несколько больше (соответственно 57,1 % и 28,6 %), а в 1-й – меньше (14,3 %). А технических работников, младших специалистов в каждой группе стало немного меньше (1-я группа – 33,3 %, 2-я и 3-я группы – по 26,7 %). Клерков, чиновников также больше в 1-й группе – 50 %, далее по 25 % – в 1-й и 3-й группах. Специалистов торговых специальностей и сферы услуг уменьшилось в каждой группе, и количественное соотношение их изменилось: 2-я группа – 37,9 %, 1-я группа – 31 % и 3-я группа – 27,6 %. Ранее же среди этих профессий лидировали 20–29-летние (1-я группа), их было 50 %. Стало немного больше людей, занимающихся элементарными занятиями, но таких все равно единицы.

А по сферам распределения профессий отмечается следующее: в промышленности, по-прежнему, больше работающих из 3-й возрастной группы (40 %), но их стало меньше, потом – из 1-й (33,3 %) и 2-й (13,3 %) групп. В 1-й группе прибавилось работающих в промышленности, а во 2-й – уменьшилось. В сфере воспитания и образования также лидируют респонденты из 3-й группы (44,4 %), потом – из 2-й (33,3 %) и 1-й (22,2 %) групп. Еще по количеству ответивших заслуживает внимания сфера торговли и услуг. В этой сфере трудится больше людей из 2-й группы (37,9 %), на втором месте – респонденты 1-й и 3-й возрастных групп (по 27,6 %).

Респондентам была дана возможность высказать отношение к своей последней работе, которую они потеряли по одной из вышеназванных причин, и настоящей, а именно: прокомментировать такие характеристики работы, как содержание работы, условия труда, размер и своевременность выплаты зарплаты, дополнительные денежные выплаты, перспективы роста, психологический климат, занимаемая должность. Содержание работы удовлетворяло по убыванию количества респондентов: 3-я группа – 42,4 %, 2-я группа – 33,3 %, 1-я группа – 15,2 %. В настоящий момент таковых стало меньше в 3-й (33 %) и 2-й (27,5 %) и в два раза увеличилось в 1-й группе (33,3 %). Совсем не удовлетворяло содержание работы “молодежь” из 1-й возрастной группы, сейчас же их число резко уменьшилось (было 50 %, а стало 7,1 %). Во 2-й группе число таковых тоже уменьшилось с 37,5 до 28,6 %. В 3-й же группе картина обратная: не удовлетворяло содержание работы ранее 12,5 % респондентов, сейчас – 50 % из числа ответивших. Число частично удовлетворенных содержанием работы возросло примерно в два раза во 2-й группе – с 16,7 до 32,1 %, немного увеличилось в 3-й группе – с 37,5 до 39,3 % и примерно в два раза уменьшилось в 1-й группе – с 41,7 до 21,45 %. Как видим, произошло перераспределение респондентов в 1-й группе из разряда неудовлетворенных и частично удовлетворенных содержанием работы в разряд удовлетворенных им. В 3-й группе перераспределение обратное. 2-я группа занимает промежуточное положение между ними: меньше стало совсем неудовлетворенных, но больше частично удовлетворенных.

Условиями труда по-прежнему более довольны 40–49-летние респонденты из 3-й группы, хотя число их и уменьшилось с 49,1 до 35,9 %. А количество самых молодых респондентов, которых устраивают условия труда, возросло более чем вдвое – с 14,6 до 33,3 %. Число неудовлетворенных условиями труда резко возросло в 3-й группе с 9,1 до 45,5 % и резко упало в 1-й – с 56,6 до 13,6 %, и немного

снизилось во 2-й группе – с 36,4 до 27,3 %. Количество частично удовлетворенных условиями труда на месте последней работы перед безработицей и на месте последней работы, то есть в настоящий момент, осталось примерно в тех же соотношениях во всех возрастных категориях: 3-я группа (33,3 % и 36,4 %), 2-я группа (30 % и 33,3 %), 1-я группа (30 % и 24 %). Но и здесь видно увеличение в 3-й и 2-й группах и уменьшение в 1-й группе.

Отношение к одной из важнейших характеристик работы – к размеру заработной платы – на прежнем и настоящем месте работы распределилось следующим образом. Полное удовлетворение: 3-я группа (36,4 % и 25 %), 2-я группа (24,2 % и 35 %), 1-я группа (21,2 % и 35 %). Не удовлетворяла и не удовлетворяет сейчас зарплата: 3-я группа (41,2 % и 38,2 %), 1-я группа (35,3 % и 20,6 %), 2-я группа (23,5 % и 29,4 %). И частично устраивала и устраивает зарплата: 3-я группа (40,6 % и 42,9 %), 2-я группа (40,6 % и 26,2 %) и 1-я группа (15,6 % и 26,2 %). Анализируя ответы о зарплате, можно сделать основной вывод о том, что чем моложе респонденты, тем больше их устраивает зарплата в настоящий момент, и наоборот: число довольных своей зарплатой уменьшилось в более старшей возрастной категории (40–49 лет).

“Бич” современности – несвоевременность выплаты зарплаты. Если раньше она устраивала в первую очередь респондентов 3-й группы (36,4 %), а затем представителей 2-й и 1-й групп (соответственно 33,3 % и 21,2 %), то теперь она устраивает сначала респондентов 1-й и 2-й групп (по 32,1 %) и в последнюю очередь – 40–49-летних из 3-й группы (28,3 %). А недовольных своевременностью выплаты зарплаты по-прежнему больше в 3-й группе, и численность их заметно возросла с 39,1 до 55,6 %, далее следуют в том же порядке, что и прежде: 1-я группа – с 34,8 до 22,2 %, и 2-я группа – с 21,7 до 18,5 %. Очевидно, что за счет увеличения количества удовлетворенных своевременностью выплаты зарплаты в 1-й и 2-й группах, число недовольных в этих группах уменьшилось. Также за счет резкого увеличения недовольных этим параметром работы в 3-й группе уменьшилось количество частично удовлетворенных с 60 до 38,5 % и удовлетворенных с 36,4 до 28,3 %. Во 2-й возрастной группе соотношение людей, которых частично устраивала и устраивает своевременность выплаты зарплаты следующее: 20 % и 38,5 %, то есть заметное увеличение. В группе 20–29-летних же картина обратная: 20 % и 7,7 %. Такой большой перепад можно объяснить отчасти тем, что немалая часть людей из разряда частично удовлетворенных своевременностью выплаты зарплаты перешла в разряд полностью удовлетворенных этой характеристикой настоящей работы.

40–49-летние респонденты по-прежнему остались оптимистами в плане перспектив роста на новой работе, хотя число их и уменьшилось с 51,7 до 43,5 %. Такая же ситуация и во 2-й группе: с 27,6 до 21,7 %. А для “молодежи” из 1-й группы, судя по их ответам, на новой работе открылись большие перспективы для профессионального роста (их число увеличилось с 6,9 до 34 %), соответственно число людей, недовольных этой характеристикой на новой работе, в данной группе уменьшилось с 37,5 до 25 %. В следующих двух группах число недовольных увеличилось: 2-я группа – с 30 до 33,3 %, 3-я группа – с 27,5 до 35,4 %. Как известно, немаловажную роль для плодотворной работы играет психологический климат в коллективе. По ответам наших анкетированных видно, что число довольных психологическим климатом на новой работе уменьшилось с 51,8

до 35,2 % только в 3-й возрастной группе, в других же группах – увеличилось: 2-я группа – с 22,2 до 29,6 %, 1-я группа – с 14,8 до 27,8 %. Не удовлетворяет психологический климат на новой работе респондентов 3-й возрастной группы (50 %), тогда как раньше таковых среди них было всего 6,7 %. В 1-й и 2-й группах все наоборот: раньше неудовлетворенных в 1-й группе было 53,3 %, а стало 21,4 % и во 2-й было 40 %, стало 21,4 %. Частично удовлетворенных стало опять-таки больше в 3-й группе (их число увеличилось с 28,6 до 36 %), в 1-й и 2-й группах соответственно – с 32,1 до 24 % и с 35,7 до 32 %.

И, наконец, последняя предложенная анкетируемым характеристика старой и новой работы – занимаемая должность. Раньше она устраивала наших респондентов в такой очередности: 3-я группа – 45 %, 1-я группа – 25 %, 2-я группа – 20 %. На новой работе эта очередность изменилась только в отношении 1-й и 2-й групп: 3-я группа – 38 %, 2-я группа – 32 %, 1-я группа – 26 %. В 3-й группе число удовлетворенных занимаемой должностью заметно уменьшилось, во 2-й и в 1-й группах – возросло. Примерно в три раза уменьшилось число респондентов, не удовлетворенных занимаемой должностью, в 1-й группе (с 33,3 до 10 %), примерно в два раза – во 2-й (с 44,4 до 20 %), а в третьей, наоборот, возросло примерно в пять раз (с 11,1 до 55 %). В каждой возрастной группе есть респонденты, которых занимаемая должность устраивает частично.

Сравнение оценок работы до безработицы и после позволяет сделать вывод о том, что, чем моложе анкетируемые, тем лучше они устроились в настоящее время. Они оказались наиболее адаптированными к современным условиям. Возможное объяснение: 40–49-летние респонденты больше “пострадали” в связи с перестроечными реформами, в частности от безработицы, и не хотят сменить работу (51,7 %), дорожа той, которую имеют в настоящий момент. В 1-й группе 31 % респондентов также не хотят менять работу, во 2-й группе таковых 13,8 %. Многие респонденты всех возрастов думают об уходе с настоящей работы: 37,1 % во 2-й группе, 31,4 % в 3-й и 20 % в 1-й. А некоторые уже ищут новую работу. Это, в первую очередь, 40–49-летние (хотя и среди нежелающих менять работу их больше) – 53,3 %, потом 20–29-летние – 26,7 % и 30–39-летние – 13,3 %.

Известно, что в настоящее время многие работающие для того, чтобы обеспечить себе и своим семьям более приемлемое существование, подрабатывают. Поэтому вопрос об этом в анкете, на наш взгляд, актуален. Как же ответили на него анкетируемые из рассматриваемых возрастных групп? Больше дополнительно работающих в 3-й группе – 42,1 %. Но и в других группах таковых не мало – по 21,1 %. Не работающих дополнительно тоже больше в 3-й группе – 37,3 %, далее – во 2-й группе (32 %), 3-й группе (25,3 %). В каждой возрастной группе больше не работающих дополнительно. Соотношения “работают – не работают” в группах таковы: 1-я группа – 17,4 % и 82,6 %, 2-я группа – 14,3 % и 85,7 %, 3-я группа – 22,2 % и 77,8 %.

Анкетируемые имели возможность оценить свое социальное положение во время последней работы перед безработицей и в настоящий момент. Для этого в анкете была предложена оценочная лесенка со следующими противоположными значениями: “самое низкое” и “самое высокое”, “низкое” и “высокое” – и 4 ступеньки со значениями “среднее” в направлении от низкого к высокому (от “среднего – 3” до “среднего – 6”).

Анализ ответов респондентов трех рассматриваемых возрастных групп позволяет сделать вывод о том, что 20–29-летние (1-я группа) в настоящий момент оценивают свое социальное положение выше: как “самое низкое” ранее отмечали 36,4 %, а в настоящее время – 12,5 %, как “низкое” – 60 %, а сейчас – 21,7 %. В остальных двух группах картина, в основном, обратная.

Для всех респондентов, независимо от возраста, самое важное в работе – заработная плата: в 3-й группе ей отдают предпочтение 72,2 % человек, во 2-й – 58,3 % и в 1-й – 57,1 %. Немаловажно для людей и содержание работы: 2-я группа – 37 %, 3-я группа – 25 %, 1-я группа – 33,3 %. При межвозрастном рассмотрении видно, что размер заработной платы наиболее важен для представителей 3-й группы (47,3 %), потом – 2-й (25,4 %) и 1-й (21,8 %). Содержанию работы большее значение придают респонденты 2-й и 3-й групп (по 33,3 %), потом 1-й – 25,9 %. Остальные параметры работы, предложенные в анкете, такие как престиж, общественная значимость работы, были отмечены единицами респондентов, поэтому интереса не представляют.

При ответе на вопрос об отношении к безработице респонденты 3-й группы заняли лидирующее положение во всех предложенных альтернативах. 36,7 % из них считают безработицу безусловным злом. Немалый процент респондентов других групп согласны с ними: 2-я группа – 30,6 %, 1-я группа – 20,4 %. Но 57,9 % имеющих жизненный и трудовой опыт 40–49-летних респондентов отмечают, что в этом явлении есть положительные и отрицательные стороны (во 2-й группе таких 21,1 %, в 1-й группе – 15,8 %), поэтому в разумных пределах она необходима – 43,5 % (во 2-й группе – 30,4 %, в 1-й группе – 26,1 %). Многие респонденты 1-й и 2-й групп еще не определили для себя отношение к безработице, отметив альтернативу “затрудняюсь ответить” (соответственно 66,7 % и 33,3 %). В пределах каждой группы многие респонденты считают безработицу безусловным злом: 2-я группа – 51,7 %, 3-я группа – 46,2 %, 1-я группа – 40 %. Интересно, что несмотря на то, что старшее поколение претерпело больше неприятностей от современных реформ в экономике и, как следствие этого, от безработицы, большая часть их представителей считает, что в безработице есть и положительные и отрицательные стороны – 28,2 % (во 2-й группе таких ответов 13,8 %, в 1-й группе – 12 %), и в разумных пределах она необходима – 25,6 % (в 1-й и 2-й группах по 24 % таких ответов).

По мере увеличения возраста респонденты, несмотря на больший профессиональный опыт, согласны на более низкую зарплату, чем “молодежь”. У последних, очевидно, большие амбиции берут верх над профессиональным опытом. Но, справедливости ради, можно утверждать (предполагать), что молодым для проживания нужно больше денег, но это тема для отдельного исследования. Ответы о приемлемой средней заработной плате распределились следующим образом: 1-я группа – 1 724,2 рубля, 2-я группа – 1 383 рубля, 3-я группа – 1 325 рублей.

Для того, чтобы подвести итог предыдущим вопросам, респондентам было предложено оценить перемены последнего десятилетия в нашей стране. Среди ответивших на этот вопрос в каждой возрастной группе большинство нейтрально относится к переменам, произошедшим в стране: 2-я группа – 48,3 %, 1-я группа – 40,3 %, 3-я группа – 37,5 %. “Преимущественно отрицательно” – так относятся к указанным переменам 25 % респондентов 3-й группы, 24 % – 1-й и 20,7 % – 2-й группы. “Преимущественно положительно” – такую оценку дали 28 % респондентов

1-й группы и по 20 % респондентов 2-й и 3-й групп. “В целом отрицательно” – эту оценку дали немногие респонденты: 3-я группа – 7,5 %, 2 группа – 3,4 %, в 1-й группе таких ответов не было. И в целом положительно оценивают перемены 10 % респондентов 3-й группы, 8 % – 1-й группы, 6,9 % – 2-й группы. Как видим, в каждой группе, как уже отмечалось, больше нейтральных оценок. В первых двух группах больше положительных, чем отрицательных оценок. А в старшей группе – наоборот. Такое “возрастное” распределение оценок перемен последнего десятилетия в нашей стране вполне логично вытекает из всех предыдущих ответов респондентов на другие вопросы анкеты.

Анкетируемым был задан вопрос, позволяющий выяснить их желание заняться предпринимательской деятельностью. Ответы в каждой возрастной группе в соотношении “да, я думал об этом – нет” выглядят следующим образом: 1-я группа – 60 % и 40 %, 2-я группа – 41,4 % и 58,6 %, 3-я группа – 30 % и 55 %. Как видим, в каждой группе достаточно много желающих заняться предпринимательской деятельностью, и чем моложе респонденты, тем их больше. Этот вывод подтверждается, если сравнить ответы между группами: большее число думающих о предпринимательской деятельности в 1-й возрастной группе (36,6 %), затем – во 2-й и 3-й (по 29,3 %). Если просуммировать их число, то получается, что 95,2 % (!) всех респондентов не прочь заняться предпринимательской деятельностью. Среди респондентов, не желающих заняться этим видом деятельности, больше 40–49-летних и далее по убыванию возраста: 3-я группа – 40,7 %, 2-я группа – 31,5 %, 1-я группа – 18,5 %.

А что мешает нашим респондентам заниматься предпринимательской деятельностью, какие объективные и субъективные причины? Выяснению этого посвящен специальный вопрос анкеты. Рассмотрим ответы в каждой группе отдельно. Во всех группах лидирует ответ “отсутствие капитала” (57,1 %, 52,1 %, 52 %), что вполне логично, так как молодые не могли его накопить за свой небольшой трудовой стаж, а старшие, если и накопили, потеряли его за годы реформ, инфляции. В 1-й группе на втором месте стоят ответы “нестабильность экономики”, “отсутствие связей”, “недостаток знаний” (по 23,8 %). Во 2-й и 3-й группах на втором месте – ответ “отсутствие личных качеств” (30,4 % и 28 %). На третьем месте: в 3-й группе – “нестабильность экономики” и “отсутствие связей” (по 20 %), во 2-й группе – “недостаток знаний” (17,4 %).

Подводя итоги вышесказанному, можно сделать следующий вывод: из всех возрастных групп 1-я, то есть 20–29-летние, оказалась самой мобильной. В этой группе больше респондентов просто со средним образованием и меньшим трудовым стажем. Но, как видно, это им не мешает, а, возможно, стимулирует к постоянному поиску лучшего трудового и жизненного варианта. Среди респондентов этой группы больше уволившихся по собственному желанию, бывших три и более раз безработными. При этом они считают, что сам человек должен обеспечивать себя работой, а не государство. Они быстрее трудоустраиваются, то есть у них меньше времени уходит на поиски работы. У них в семьях выше среднемесячный доход (хотя, возможно, это и не их личная заслуга, так как доход в семье рассматривался суммарный). И при последнем трудоустройстве, вопреки или несмотря на сложившееся мнение о наиболее доходной – торговой сфере, их стало в этой сфере меньше, а в промышленности – больше. Среди респондентов этой возрастной

категории больше желающих заниматься предпринимательской деятельностью. Но и свои потенциальные трудовые возможности они оценивают выше, чем другие респонденты. 20–29-летние респонденты считают, что их социальный статус повысился.

§ 5. Образование и направления социальной мобильности граждан, попадавших в состояние безработицы

Одна из целей исследования – выявление зависимости направления социальной мобильности безработных от полученного ими образования. Среди респондентов 58 % окончили высшие учебные заведения, 24 % – техникум, 10 % – СПТУ, ГПТУ и 7 % имеют общее среднее образование. Все опрошенные были безработными, причем чаще попадали в эту категорию лица с общим средним образованием. Они составляют 50 % тех, кто был безработным три и более раз. Однако в дальнейшем мы будем рассматривать, главным образом, две группы респондентов: окончивших вуз и техникум. Остальные опрошенные – это лишь 17 % выборки и данные по ним являются ненадежными.

Интересным, на наш взгляд, будет сравнение профессионально-должностного статуса респондентов до периода безработицы с их нынешним положением. Рассмотрим категорию людей, окончивших вуз. До того, как стать безработными, 37,3 % из них были техническими специалистами, 23,7 % – младшими специалистами и техническими работниками и столько же специалистами-гуманитариями. В настоящее время положение несколько изменилось: технических специалистов осталось лишь 19 %, зато в сфере услуг, торговле и общепите работают 17,5 % (до безработицы эту градацию не отметил никто). В целом 61 % людей с высшим образованием работали в промышленности, а пройдя через безработицу их осталось только 20 %. Лидирующими стали сфера образования (30 %) и торговля (26 %).

Не слишком отличается ситуация у респондентов, не имеющих высшего образования. Среди окончивших техникум, до периода безработицы, 20,8 % ответивших были техническими специалистами, 20,8 % – торговыми работниками, 16,7 % – младшими специалистами. Сегодня распределение таково: 43,5 % работают в сфере торговли, 21,7 % – младшие специалисты, технические работники. Окончившие ПТУ тоже переместились в сферу торговли и услуг с 30 до 50 %, а также 10 % занялись элементарным трудом. В ответах на вопрос о сфере деятельности наблюдается та же тенденция – до безработицы в промышленности было занято 55 % респондентов, окончивших техникум, после безработицы – 10 %. В сфере торговли 25 % и 50 % соответственно.

Сокращение штатов явилось причиной потери работы для 48 % респондентов, окончивших техникум, для 46,5 % людей с высшим образованием. Уволились по собственному желанию соответственно 24 % и 22 %, потеряли работу по причине закрытия предприятия 20 % и 14 % соответственно.

Независимо от образования большинство респондентов отмечали, что содержание работы, условия труда, своевременность выплаты заработной платы, психологический климат, занимаемая должность на прежней работе их вполне

удовлетворяли. В вопросе о размере зарплаты респонденты в равной степени указывали все варианты ответа: “да, удовлетворяла” ответили 33,3 % человек со среднетехническим образованием, 35,6 % с высшим, “частично” – 33,3 % и 32,2 % соответственно, “нет, не удовлетворяла” – 33,3 % и 32,2 %. Дополнительные денежные выплаты и перспективы роста в большинстве своем не удовлетворяли никого. В настоящее время, на новом месте работы, мало что изменилось. Лишь удовлетворенность условиями труда ставится под сомнение.

Важнейшим следствием перемен последних лет российской жизни является изменение статусных позиций значительных групп населения. Мы включили в свою анкету вопросы, позволяющие проследить динамику статусных позиций респондентов. Их просили отметить свое положение на условной социальной лестнице из восьми ступеней во время последней работы и в настоящий момент. Две первые ступени лестницы соответствуют самому низкому и низкому социальному положению. Две последние – высокому и самому высокому. В середине, по возрастанию, расположены ступени, которые мы назвали “средняя – 3”, “средняя – 4”, “средняя – 5”, “средняя – 6”. До того, как стать безработными, 34,5 % респондентов с высшим образованием ставили себя на ступень “среднее – 4”, по 20,7 % – на ступенях “среднее – 3” и “среднее – 5”. “Самое низкое” положение отмечали 6,9 %, “самое высокое” – 1,7 %. В настоящее время ступени “среднее – 3” и “среднее – 4” отметили по 24,6 %. На втором месте по количеству – ступень “низкое” (22,8 %) и по 10,5 % на ступенях “самое низкое” и “среднее – 5”.

Большинство респондентов со среднетехническим образованием до периода безработицы также отмечали положение “среднее – 4” (25 %) и “среднее – 3” (20,8 %). По 16,6 % находились на ступенях “самое низкое”, “среднее – 5” и “среднее – 6”. На сегодняшний день распределение таково: значительная часть ответивших (31,8 %) указала самую низкую ступень, по 18,2 % – ступени “низкое”, “среднее – 3” и “среднее – 5”. “Среднее – 6”, “высокое” и “самое высокое” социальное положение не отметил никто. Эти данные фиксируют интенсивный процесс дифференциации, причем интенсивность нисходящей мобильности существенно превосходит интенсивность восходящей.

На вопрос “Сколько месяцев Вы были безработным первый раз?” респонденты, окончившие техникум, отвечали с разбросом от 1,5 месяцев до года; а люди с высшим образованием – от 1 месяца до 3 лет.

Прежде, чем рассматривать результаты исследования дальше, заметим, что выборка состояла из 20 % респондентов, которые когда-либо были зарегистрированы в службе занятости, 54 % – те, кто проходили переобучение в Поволжском межрегиональном учебном центре и были направлены туда от службы занятости и лишь 26 % выбраны случайным образом. Результаты опроса показали, что были зарегистрированы в службе занятости 53,5 % респондентов с высшим образованием, 76 % со среднетехническим. Анализ ответов на вопрос о состоянии скрытой безработицы также подтвердил, что 37,9 % специалистов с высшим образованием и 26,3 % окончивших техникум являются скрытыми безработными.

Для тех, кто все же стоял на учете в службе занятости, был задан вопрос о том, была ли им оказана помощь в трудоустройстве. Независимо от образования подавляющее большинство респондентов (около 70 %) отвечали, что нет. Последнее место работы, главным образом, находили через родственников и друзей. Лица со

среднетехническим образованием, ответившие так, составляют 59 %, респонденты с высшим образованием – 67,3 %. На вопрос “Хотели бы Вы сменить место работы?” респонденты, окончившие техникум, отвечали так: “нет, не хочу” – 47,8 %, “думаю об уходе” – 21,7 %, люди с высшим образованием – соответственно 26,3 % и 38,6 %.

Дополнительную работу имеют 26,3 % респондентов с высшим образованием и 16,6 % окончивших техникум. Таковую работу, в основном, находят в сфере услуг, торговле и общепите, а также это ремесленные и элементарные занятия. Причем лица, окончившие вуз, отмечают в качестве дополнительной работы преподавательскую деятельность, воспитание – 42 % и бизнес – 14,3 %. Респонденты со среднетехническим образованием указывают в равной степени (33,3 %) сферу образования, торговли и бытовое, жилищно-коммунальное обслуживание.

В ответах на вопрос “Что для Вас важнее в работе?” чаще всего респонденты указывают зарплату. Так считают 51 % респондентов с высшим образованием и 78,3 % – со среднетехническим. На втором месте – содержание работы (42,5 % и 21,7 % соответственно). Приемлемой зарплатой для себя респонденты со среднетехническим образованием считают сумму минимум 700 рублей, максимум 2 500 рублей; лица, окончившие вуз – 500–3 000 рублей. В вопросе о том, кто должен обеспечить человека работой, респонденты со среднетехническим образованием ставят на первое место государство (54,2 %), а вот люди с высшим образованием считают, что это должен сделать сам человек (38,2 %). Встречались также ответы, объединяющие и то и другое.

В анкету были включены вопросы, иллюстрирующие желание заняться предпринимательской деятельностью. Оказалось, что большая часть респондентов не изъявляет такого желания (52 % и тех и других). Думали об этом 48 % респондентов со среднетехническим образованием и 37,3 % – с высшим. Сейчас занимаются предпринимательской деятельностью всего 10,2 % респондентов с высшим образованием. На вопрос о том, что же мешает заняться предпринимательством все респонденты в первую очередь отмечают отсутствие капитала. Среднемесячный доход на одного человека в семье составляет для респондентов со среднетехническим образованием от 150 до 1 500 рублей, для лиц с высшим образованием – от 150 до 5 000 рублей.

Безработицу большинство респондентов считают безусловным злом (50 %), к переменам в стране за последнее десятилетие относятся нейтрально.

Таким образом, российское хозяйство и общество переживают период ускоренной социальной мобильности, чему в немалой степени способствует безработица. Причем сегодня сильна структурная составляющая. Долгосрочной тенденцией является относительное увеличение групп, занятых в растущей сфере услуг, торговле, бытовом обслуживании, информационных и консультативных сферах деятельности, при соответствующем сокращении занятости в производственных отраслях.

Безработица и перемены последних лет включили механизмы вертикальной мобильности, оказавшейся для большинства людей с высшим образованием нисходящей. Если советское высшее образование автоматически обеспечивало статусные позиции выше среднего (получение диплома гарантировало как минимум сохранение прежнего статуса), то в настоящее время диплом не всегда ведет к

успешной карьере. Именно группа с высшим уровнем образования захвачена процессами дифференциации интенсивнее, чем остальные социальные группы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российский социум переживает переходный период от старой советской структуры общества к новой, основанной на рыночных механизмах хозяйствования. Этот переход осуществляется через социетальный кризис, охватывающий все сферы общества (социальную, идеологическую, политическую, экономическую). Появившиеся сегодня новые общественные отношения и измененная социальная структура еще далеки от идеальных, но все же в них содержится специфика и сущность развитого и современного общества. Многие люди, проходя через состояние незанятости или безработицы, то есть пребывая в личностном трудовом кризисе, так или иначе встраиваются в систему новых социально-экономических отношений. Поэтому актуальность проблематики данной работы важна как на макроуровне, так и на микроуровне.

Одно из таких важных социальных и экономических явлений, как безработица, стало атрибутивным для российского социума. Часто оно под-вергается как научному, так и беллетристическому описанию в литературе. Затрагиваются количественно-динамические аспекты безработицы, ее влияние на психофизиологическое здоровье незанятых граждан, консультативная помощь при поиске приемлемой профессии для безработных граждан, проблемы экономического регулирования безработицы и другие моменты. Разрабатывая тему социально-профессиональной мобильности экономически активного населения, рассматривая безработицу как канал социальной циркуляции в российском обществе, мы попытались выявить в безработице, как социальном феномене, ее вклад в изменение социальной структуры общества, отразить положение граждан, побывавших в ситуации незанятости на рынке труда, изучить их профессиональные предпочтения.

Проясним типичное для настоящего времени социально-профессиональное поведение человека в обществе. На наш взгляд, можно с уверенностью утверждать, что первый профессиональный выбор для многих людей является не идеальным и достаточно случайным с точки зрения самореализации, самоудовлетворения. Он во многом зависит от социального происхождения, от влияния исторических событий, яркой личности, от широко распространенных общественных стереотипов. Мы считаем, что каждый человек обладает определенным набором склонностей и способностей, позволяющих ему осуществлять с наибольшей отдачей и реализацией какой-то ограниченный круг профессиональной деятельности. В прежней системе общественных отношений первичный выбор часто оставался единственным на протяжении всей жизни человека (ограничение накладывало само государственное устройство, например, нормативно закрепленным было положение о тунеядстве или система прописки). Сегодня широко открыты потенциальные возможности смены профессии (хотя существенные ограничения присутствуют из-за низкого уровня жизни большинства населения). Причем при рыночных отношениях человек, занимающийся не своим делом, терпит финансовый крах и вынужден сменить профессию или место работы. Следовательно, для того, чтобы найти подходящую профессию, ее необходимо искать часто через смену нескольких профессий. Именно в момент поиска человек, как правило, и проходит фазу незанятости. Этот механизм поиска профессии агентами рынка труда в рыночных условиях сопоставим с экономической целесообразностью всей хозяйственной деятельности в обществе.

Характерное для современной структуры экономики существующее разделение труда обязательно должно вобрать в себя все многообразие индивидуальных профессиональных склонностей граждан. Те люди, которые не обладают такой необходимой для современного общественного хозяйства комбинацией трудовых способностей, попадают (или точнее должны попадать) под действие социальной поддержки государства.

В результате работы над темой социально-профессиональной мобильности экономически активного населения мы нашли следующие закономерности в перемещении различных социальных групп в социально-профессиональной структуре российского общества:

1. Стабильность общества диктует инерционность в осуществлении социальной мобильности его членов. В условиях неустойчивости российского социума имеется высокая вероятность мобильности субъектов рынка труда из одной социальной и профессиональной страты в другую. Это ограничивает принятие или непринятие субъектами рынка труда определенных профессий. Отметим, что социальная мобильность вверх осуществляется с большим желанием агентов рынка труда, чем обратная социальная мобильность. Социологические опросы незанятых граждан показывают, что важнейшими мотивами при выборе новой профессии и рабочего места являются высокий уровень оплаты труда и гарантированность трудоустройства. На наш взгляд, эта стратегия будет определяющей при формировании новой социально-профессиональной структуры.

2. Опрошенные нами граждане в большинстве своем один раз были безработными. До безработицы многие работали в промышленности. Самой распространенной причиной безработицы было сокращение штатов. В целом до ухода с работы они были довольны различными аспектами своего труда, кроме его денежного вознаграждения. Большинство опрошенных граждан относили себя к среднему среднему и среднему низшему классу общества.

После безработицы многие стали работать в сфере торговли (1/3 респондентов), воспитания и образования (1/5), промышленности (1/6), здравоохранении (1/10). Сравнение сфер трудовой деятельности до и после безработицы показывает, что тенденцией современного российского рынка труда является отток людей из сферы промышленности (которая не работает, особенно это касается ВПК) в другие сферы экономики, лидером которой является сфера торговли. Однако данные показывают, что последняя работа для многих является компромиссной, на которой трудятся часто для простого выживания (условиями труда, своим производственным статусом, размером заработной платы многие там не довольны). Половина опрошенных желают опять сменить работу.

Если сравнивать социальное положение после состояния безработицы и до него, то в целом оно опустилось как бы на одну ступеньку вниз, то есть у значительного числа оно осознается средним низким и низким. Приемлемая зарплата для них почти в три раза больше получаемой к моменту опроса. Половина из них желали бы заниматься предпринимательской деятельностью, другая половина – нет.

Можно сделать вывод, что люди, побывавшие безработными, пытаются выровнять и восстановить свое социальное, профессиональное и материальное положение. Однако по причине социетального кризиса большинству это не удастся.

Их положение в современной измененной социальной структуре является таким же, как и у большинства других людей. То есть можно говорить об успешном личном противоборстве с подавленной конъюнктурой рынка труда. Но платой за сохранение своего социального положения является компромисс в содержании труда и сфере его приложения. Негативным является и пониженный уровень социального самочувствия этих граждан.

3. Гендерные особенности изменения социально-профессионального статуса таковы:

➤ Уход мужчин с прежнего места работы был мотивирован неприемлемой оплатой труда и перспективами роста. Их социальное положение до первого пребывания в статусе безработного было преимущественно средним. Значительному количеству мужчин служба занятости оказала содействие в трудоустройстве. Многие мужчины оказались на последнем месте работы в сфере торговли и услуг, то есть кардинально изменили свое трудовое место (большинство ранее работало в промышленности). Они, как и прежде, не довольны своим материальным положением. Основная масса относит себя к “среднему классу”, но значительная доля считает свое социальное положение низким.

➤ Основная масса женщин была уволена из-за сокращения штатов. Так же как и мужчин, женщин не устраивал размер заработной платы и перспективы роста. Свое социальное положение женщины определяют как “средний класс”. В отличие от мужчин, помощь в трудоустройстве со стороны службы занятости женщинам была незначительна. В настоящее время большинство работает в торговле и сфере услуг, размер заработной платы основную часть респондентов совершенно не устраивает. У женщин произошел резкий сдвиг в определении своего социального статуса в сторону понижения.

4. Самой мобильной в трудовом и социальном смысле оказалась группа молодежи (20–29-летние). В ней преобладали лица со средним образованием и небольшим трудовым стажем. Эти качества возможно и стимулируют их на постоянный поиск лучшей трудовой и жизненной перспективы. Среди них больше уволившись по собственному желанию, пребывавших три и более раз безработными. Однако они быстрее трудоустраиваются. При последнем трудоустройстве, вопреки или несмотря на сложившееся мнение о торговле как наиболее доходной сфере, их стало в этой сфере меньше, а больше – в промышленности. Среди респондентов этой возрастной категории больше желающих заниматься предпринимательской деятельностью. Свои потенциальные трудовые возможности они оценивают выше, чем другие респонденты. И в целом считают, что их социальный статус повысился.

Можно сказать, что представители молодежной группы, осуществляя личную интервенцию и вхождение в современный рынок труда и обладая при этом такими качествами, как инициативность, энергичность, добиваются значительно большего. При этом они не боятся менять сферы приложения своих сил для того, чтобы найти для себя более перспективные и выгодные с точки зрения трудового и социального статуса варианты.

5. Для людей с высшим образованием социально-профессиональная мобильность часто оказывается нисходящей. В настоящее время диплом не всегда

ведет к успешной карьере. Именно группа с высшим образованием подвержена процессам дифференциации интенсивнее, чем остальные социальные группы.

Таким образом, российское хозяйство и общество переживают период ускоренной социальной мобильности, чему в немалой степени способствует безработица. Долгосрочной тенденцией на рынке труда является относительное увеличение групп, занятых в сфере услуг, торговле, бытовом обслуживании, информационных и консультативных сферах деятельности, при соответствующем сокращении занятости в производственных отраслях. Однако молодежь, для которой современная ситуация в обществе и на рынке труда является нормативной, так как другой она просто не знала, демонстрирует иные профессиональные предпочтения и лучшую адаптированность к сложившимся условиям.

АНКЕТА “СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗРАБОТИЦЫ”

Поволжский межрегиональный учебный центр проводит социологическое исследование по социальным аспектам безработицы. Нас интересует влияние безработицы на последующее положение людей в обществе и на рынке труда. Прочитайте вопрос и отметьте цифру рядом с тем ответом, который совпадает с Вашим мнением. Если ни один ответ Вам не подходит, напишите свое мнение. Пожалуйста, не пропускайте ни одного вопроса.

ОПРОС АНОНИМНЫЙ – ФАМИЛИЮ В АНКЕТЕ УКАЗЫВАТЬ НЕ НУЖНО

1. Сколько раз Вы были безработным (имеются в виду любые формы: безработные, зарегистрированные в службах занятости; безработные без регистрации; числящиеся в штате предприятия, но не работающие, или работающие неполное рабочее время)?

- Один раз 1
 Два раза 2
 Три раза и более 3

2. Кем Вы работали до того, как впервые стали безработным?

Напишите специальность _____

Напишите сферу деятельности _____

3. Что стало причиной потери работы?

- Уволился по собственному желанию 1
 Попал под сокращение штатов 2
 Предприятие было закрыто 3
 Истек срок временной работы 4
 Смена места жительства 5
 Вынужденный переезд (беженцы) 6
 Другое (напишите) _____

4. Сколько лет Вы работали на последнем месте работы?

Напишите _____

Удовлетворяло ли Вас:

Да Частично Нет

5. Содержание работы 1.....23

6. Условия труда 1.....23

7. Размер зарплаты 1.....23

8. Своевременность выплаты зарплаты 1 2 3

9. Дополнительные денежные выплаты 1 2 3

10. Перспективы роста 1.....23

11. Психологический климат 1.....23

12. Занимаемая должность 1.....23

Другое _____

13. Каким Вы видите свое социальное положение в то время?

- Самое высокое 1
- Высокое 2
- Среднее 3
- Низкое 4
- Самое низкое ... 5

14. Сколько времени Вы были безработным первый раз?

Я был(а) безработным(ой) _____ месяцев.

15. Находились ли Вы в состоянии скрытой безработицы (то есть когда считались официально работающими, но реально находились в административном отпуске без сохранения содержания или работали неполное рабочее время)?

- Да 1
- Нет 3

16. Были ли Вы зарегистрированы в службе занятости?

- Да 2
- Нет (переходите к 19 вопросу) 4

17. Как Вы считаете, помогла ли Вам служба занятости в трудоустройстве?

- Да 1
- Нет 2
- Трудно сказать 3

18. Как Вы считаете, какую помощь работники органов занятости должны в первую очередь оказывать безработным (отметьте не более двух альтернатив)?

- Предоставлять сведения о вакантных местах 1
- Предоставлять возможность профессионального переобучения 2
- Проводить профессиональное ориентирование 3
- Оказывать психологическую поддержку 4
- Другое (напишите, что именно) _____

19. Каким образом Вы нашли свое последнее место работы?

- Через биржу труда 1
- Через управление занятости 2
- Через агентство по найму 3
- Через отделы кадров предприятий 4
- Через родственников и друзей 5
- По телевизионным, газетным и журнальным объявлениям 6
- Занялся предпринимательской деятельностью 7
- Другое _____

Вопросы с 20 по 31 относятся к той работе, на которой Вы работали последний раз или работаете в настоящее время

20. Кем и в какой сфере Вы работали (или работаете)?

Напишите специальность _____

Напишите сферу деятельности _____

Удовлетворяет (удовлетворяло) ли Вас:

	Да	Частично	Нет
21. <i>Содержание работы</i>	1.....23	
22. <i>Условия труда</i>	1.....23	
23. <i>Размер зарплаты</i>	1.....23	
24. <i>Своевременность выплаты зарплаты</i>	1	2	3
25. <i>Дополнительные денежные выплаты</i>	1	2	3
26. <i>Перспективы роста</i>	1.....23	
27. <i>Психологический климат</i>	1.....23	
28. <i>Занимаемая должность</i>	1.....23	

Другое _____

29. *Хотели бы Вы сменить место работы?*

- Нет, не хочу 1
Иногда думаю об уходе .. 2
Уже ищу другое место работы 3
Решил сменить профиль работы 4
Затрудняюсь ответить 5

30. *Работаете (работали) ли Вы дополнительно по отношению к основному месту работы?*

- Да 1
Нет (переходите к вопросу 32) 2

31. *Если “да”, то кем и в какой сфере Вы работаете (работали)?*

Напишите специальность _____

Напишите сферу деятельности _____

32. *Каким Вы видите свое социальное положение в настоящее время?*

- Самое высокое 1
Высокое 2
Среднее 3
Низкое 4
Самое низкое ... 5

33. *Что для Вас важно в работе (выберите что-то одно)?*

- Престиж 1
Содержание работы 2
Общественная значимость работы 3
Заработная плата 4
Другое _____

34. *Как Вы относитесь к безработице в нашей стране?*

- Это безусловное зло 1
В этом явлении есть положительные и отрицательные стороны 2
В разумных пределах она необходима 3
Затрудняюсь ответить 4

35. Какую заработную плату в месяц Вы считаете приемлемой для себя?

Напишите _____

36. Как Вы оцениваете перемены последнего десятилетия в нашей стране?

- В целом положительно 1
- Преимущественно положительно 2
- Нейтрально 3
- Преимущественно отрицательно 4
- В целом отрицательно 5

37. Кто по Вашему мнению должен обеспечить работой конкретного человека?

- Государство 1
- Сам человек 3
- Другое (напишите) _____

38. Не было ли у Вас желания заняться предпринимательской деятельностью?

- Да, я думал об этом (переходите к вопросу 39) 1
- Нет (переходите к вопросу 40) 2
- Я уже занимаюсь (переходите к вопросу 40) 3

39. Что мешает Вам заняться предпринимательством?

- Отсутствие капитала 1
- Отсутствие личных качеств 2
- Нестабильность экономики 3
- Отсутствие связей 4
- Недостаток знаний 5
- Недостаток здоровья 6
- Другое (напишите) _____

А теперь несколько вопросов о Вас лично
(напоминаем, фамилию указывать не нужно)

40. Ваш пол?

- Мужской 2
- Женский 4

41. Сколько Вам лет?

До 20	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	СВЫШ е 55
1	2	3	4	5	6	7	8	9

42. Какое у Вас образование?

- Неполное среднее 1
- Общее среднее 3
- ГПТУ, СПТУ ... 5
- Техникум 7
- Вуз 9

43. Каков среднемесячный доход в Вашей семье на одного человека (с учетом поступлений из всех источников)?

Напишите сумму _____

44. Численность Вашей семьи _____ чел.

Большое спасибо за ответы!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социс. 1996. № 2. С. 3–12.
2. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Полит. лит., 1992. С. 295–424.
3. Гидденс Э. Стратификация и классовая структура // Социс. 1992. № 9.
4. Аитов Н.А. Понятие “социальная структура” в современной социологии // Социс. 1996. № 7. С. 36–38.
5. Радаев В. Основные направления стратификационной теории // РЭЖ. 1995. № 1. С. 92–100.
6. Ионин Л.Г. Культура и социальная структура // Социс. 1996. № 2–3.
7. Заславская Т.И. Структура современного российского общества // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 6.
8. Гимпельсон В.Е., Магун В.С. Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 134–149.
9. Монусова Г.А., Гуськова Н.А. Внутрифирменная мобильность и “закрытые” группы // Социс. 1996. № 2. С. 13–19.
10. Рывкина Р. Социальные последствия экономических реформ // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 27–32.
11. Голенкова З.Т., Игитхянян Е.Д., Казаринова И.В. Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации // Социологический журнал. 1996. № 8. С. 12–17.
12. Радаев И. Хозяйственный мир России: постсоветское общество // РЭЖ. 1996. № 5–6. С. 92–100.
13. Чернина И. О новой модели занятости // РЭЖ. 1996. № 11–12. С. 50–59.
14. Головачев Б.В., Косова Л.Б. Высокостатусные группы: штрихи к социальному портрету // Социс. 1996. № 6. С. 45–51.
15. Крэстева А. Власть и элита в обществе без гражданского общества // Социс. 1996. № 4. С. 19–29.
16. Бабаева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А. Элита России: о настоящем и будущем страны // Социс. 1996. № 4. С. 40–49.
17. Константинов С.А., Константинова Л.В. Профессиональные предпочтения молодежи: Метод. рекомендации по проведению социол. исслед. Саратов: Изд-во Поволж. межрегион. учеб. центра, 1997.
18. Рынок труда в России: проблемы формирования и регулирования / Сост. А.В.Кашепов, В.В.Трубин, С.С.Утинова. М.: Наука, 1995.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Глава I. Реферативно-аналитический обзор по социально-статусным аспектам безработицы

§ 1. Рассмотрение понятий социальной циркуляции и социальной мобильности

§ 2. Исторический обзор социальной стратификации российского общества

§ 3. Современное представление о социальной стратификации

§ 4. Социально-экономические перемещения рабочей силы на современном российском рынке труда

Глава II. Социально-циркуляционные процессы в обществе

§ 1. Подход к проблеме исследования социально-статусных перемещений незанятых граждан

§ 2. Особенности социальной циркуляции граждан, прошедших через состояние безработицы

§ 3. Гендерный аспект динамики социально-профессионального статуса бывших безработных

§ 4. Возрастные особенности социального статуса лиц, прошедших через состояние безработицы

§ 5. Образование и направления социальной мобильности граждан, попадавших в состояние безработицы

Заключение

Приложение. Анкета “Социальные аспекты безработицы”

Библиографический список